

**РАФАЭЛЬ
ДАМИРОВ**

**ЕГО СПИСАЛИ,
НО ОН
ВЕРНУЛСЯ**

ОТМОРОЖЕННЫЙ

18+

Рафаэль Дамиров

Отмороженный

<https://litres.ru/74111574>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бывший следователь Илья Мороз давно отошёл от дел и укрылся от прошлого в глухой деревушке. Но из колонии особого режима сбегает Маэстро — самый опасный серийный убийца страны. Когда-то Мороз уже поймал его и отправил за решётку. Теперь ему придётся вернуться и снова выйти на охоту, потому что только он знает, как мыслит убийца.

Вот только убийца сбежал не ради свободы — он вернулся отомстить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	49
Глава 5	71
Глава 6	91
Глава 7	104
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Рафаэль Дамиров

Отмороженный

Глава 1

Я вышел на крыльцо, и старые доски скрипнули, будто приветствуя хозяина. Постоял с полминуты, привыкая к утру, потом окинул двор хозяйским взглядом. Под навесом поленница заметно усохла, между чурками уже полезли пустоты. Надо пополнять. У моего бревенчатого дома подгнил нижний венец, древесина в одном месте потемнела и пошла трухой. Надо будет попросить Михалыча помочь заменить нижний ряд — в отличие от меня, у него руки из нужного места растут.

От озера тянуло прохладой и утренней дымкой. В сыром воздухе всё вокруг казалось чуть смягчённым, ночь ещё не до конца отпустила деревню. В этой глуши я и укрылся от всего мира. Хорошее место... правильное. Тут нет людей, тут только соседи. А соседи лучше, чем люди.

Я прошлёпал к колодцу в одних трусах. Взялся за вороток, покрутил, натягивая цепь. Выдернул ведро наверх и без раздумий вылил на себя. Ледяной поток обжёг кожу, из меня сразу вышибло и сон, и остатки похмелья. Тряхнул гривой, как пёс после реки, и капли полетели в стороны.

Упёрся ладонями в край колодца и постоял так с минуту, приходя в себя. Каждый новый день здесь был похож на прошлый, и меня это устраивало. Самое то, чтобы доживать. Нового я больше не хотел. Я давно отошёл от дела. Всё, что мне нужно, здесь есть: двор, лес, озеро и тишина, в которой никто не пытался залезть мне под кожу.

Размышления нарушил звук двигателя. Тихий и до тошноты ровный. Так урчат иномарки, а местные колымаги не умеют.

Я выпрямился и повернул голову к улице. Из-за поворота выплыл чёрный седан. Катил он медленно и брезгливо, раскисшая после ночного дождя глина ему явно была не по масти. Машина подошла к моему покосившемуся забору и остановилась напротив, поблёскивая угольными боками. Я стоял у колодца, мокрый, босой, а она смотрела на меня тёмными стёклами, словно приценивалась.

Щёлкнули двери, из машины вышли двое... двое из ларца: пиджаки, брючки, гладкие ботиночки. Морды холеные, до синевы выбритые. В общем, чужие в этом мирке пчёл, навоза и деревенской благодати.

Я провёл ладонью по мокрым волосам, отжимая влагу. Что здесь забыли городские, я уже понял. Просто так в такую дыру не приезжают. Особенно на чёрном полированном седане.

Первый из них, белобрысый и чуть располневший, шагал размашисто. За ним держался второй, гораздо моложе. Ху-

дощавый, чуть нескладный, зато костюм на нём сидел лучше — франтовато, видно сразу, что не на рынке купленный. Если бы оба сейчас растянули рожи в казенной приветливой улыбке, я бы принял их за охранников дорогого торгового центра или каких-нибудь представителей коммерческой конторы. Только эти так не умеют — морды у них были серьёзные, и по одной этой серьёзности, по тому, как они смотрели по сторонам и держались, сразу понятно, что люди из нашей системы.

Из моей прошлой жизни.

Старший подошёл ближе, кашлянул и выдал с показной бодростью:

— Здравствуйте, Илья Федорович.

Я молчал. С мокрых трусов ещё стекали капли колодезной воды, по спине гулял утренний холодок. Старший переглянулся с молодым и уже осторожнее спросил:

— Илья Фёдорович Мороз... Это же вы?

Я провёл ладонью по мокрой шее и буркнул:

— Так меня раньше звали. А теперь я просто... Фёдорович.

Старший быстро собрался и продолжил:

— Мы из Следственного комитета. Меня зовут...

— Слушай, — оборвал я его. — Мне вообще без разницы. Тем более, что я никого не звал. До свидания.

Я развернулся и пошёл к дому. За спиной сразу встрепенулись:

— Погодите, погодите. Илья Фёдорович!

Я мельком обернулся. Молодой попробовал улыбнуться. Улыбка у него получилась служебная, как у банковского работника, который сейчас красиво распишет тебе всё про индивидуальные условия, а потом быстренько повесит на шею кредит под конский процент.

— Нам нужно с вами поговорить, Илья Фёдорович, — улыбался молодой. — Это важно.

— Настроения нет разговаривать, — ответил я, даже не оборачиваясь.

Поднялся на крыльцо, сунул руку в дверной проём и снял с гвоздя двустволку. Переломил, проверил патроны и защёлкнул ружьё. Этот сухой щелчок — славный звук. Услышав такой, люди обычно быстро вспоминают хорошие манеры.

Гости напряглись, хотя оба старательно изображали невозмутимость. Старший даже руки чуть развёл, показывая, что всё под контролем.

— Илья Фёдорович, — заговорил он уже жёстче. — Вопрос серьёзный. Нам нужна ваша помощь.

Я стоял на крыльце — босой, мокрый, с ружьём в руках — и смотрел на него сверху вниз.

— Вот как, — сказал я. — Прямо именно моя?

— Именно ваша, — кивнул он. — Как специалиста. У нас резонансное дело.

Я перевёл взгляд на молодого. Он стоял, деловито скре-

стив руки на груди. Ботинки ещё поблёскивали, хотя их уже успело забрызгать глиной. Ишь как за мной торопились, не разбирали дороги. Впрочем, тут городской лоск в принципе слетает быстро, и в этом вся и прелесть.

— Я давно не в системе... — качнул я головой и скривился. — Да и Манька у меня. Куда? Не о чем говорить.

— Вам придётся вернуться к работе, — совершенно ровно и серьёзно проговорил старший.

— Давно меня так не смешили по утрам. Идите с миром, — хмыкнул я, покачивая ружьём. — Считаю до трёх, потом — не обессудьте.

Молодой растерялся на миг, нахмурился, потом вскинулся и воскликнул:

— Вы что, серьёзно? Мы сотрудники Следственного комитета, а вы нам ружьем угрожаете. Вы знаете, что...

Бах!

Мой выстрел в воздух оборвал его пламенную речь на взлете. Над двором гулко прокатилось эхо, от леса за огородами шарахнулись птицы. Ствол уже поехал на гостей, и я спокойно сказал:

— Это был «раз». Теперь «два».

Бах!

Земля у калитки взорвалась комьями. Глина брызнула на забор. Оба гостя синхронно отпрыгнули, будто всю жизнь репетировали. Старший матюкнулся, молодой охнул, и в следующую секунду они уже рванули назад. Нырнули за гараж

и там укрылись.

— С ума сошли?! — заорал из укрытия старший. — Вы что творите, Мороз?

— Вы мне воздух не крошите, — крикнул я, переламывая ружьё.

Гильзы сухо щёлкнули и упали в мокрую траву. Я достал новые патроны и стал заряжать ружьё без спешки, как будто у нас тут шёл обычный разговор за скверную погоду, политику, женщин и другие проблемы. Разве что чуть громче, чем обычно люди говорят.

— У вас есть десять секунд, пока я перезаряжаю.

За гаражом повисла короткая тишина, а потом я услышал приглушённый голос молодого:

— Он что, это серьёзно? Да его привлечь можно. Это же уголовка...

— Тише ты, — шикнул старый. — Это же Мороз. Не фигня тебе мелкая, а легенда. Ладно, уходим. Пусть начальство с ним само договаривается.

Я защёлкнул ружьё и шагнул к краю крыльца, поближе к ним. Гости спешно покинули моё подворье. Сначала из-за гаража мелькнула белобрысая голова старшего, потом сайгаком скакнул к калитке молодой. Они добежали до машины, прыгнули в салон и дали по газам. Теперь уже не вальяжничали, боясь испачкать колёса в глине. Седан рванул прочь по раскисшей дороге, мотая задом на колее, и через несколько секунд скрылся за поворотом.

Я ещё смотрел им вслед, когда услышал шипение. Сначала даже не понял, откуда оно идёт, потом повернул голову и выругался. Резиновая лодка, приваленная к забору, скукоживалась и сдувалась прямо на глазах, как моя жизнь. Я пошёл ближе и сразу увидел пробойну. Ах ты!.. Одна из картечин пробила нос.

— Вот ведь... Жёванный рапорт, — плюнул я в сторону. Провёл пальцами по дырке. Да, необычно начался день. Вечером я собирался подлещиков поудить, а без лодки на озере делать нечего. С берега там — только поплавок гонять вдоль камыша да комаров кормить. Пришлось брать лодку под мышку да тащить к соседу. У Михалыча руки на такие дела заточены. Он и авто может перебрать, и печку сложить, а уж дырку в резине залатать, да это ему как два пальца в розетку. Однажды он, в стельку пьяный, не просыхая, собрал из хлама в гараже мотор. И даже хотел поставить его на свой жигуль. Но не вышло — и то только потому, что мотор оказался лодочный.

Я шагнул к нему на двор, толкнув калитку плечом. Тут не принято скрестись под дверью. Надо — заходи, все свои.

Михалыч нарисовался на звук моего кряхтения из мастерской, вытирая руки ветошью. Ага... Еще трезвый, значит, настроение не очень. Глядит теперь на меня глазом вострым, щурится, морщит лоб, на носу очки, на щеке сажа или клей, чёрт его разберёт.

— Здорово, старый, — окликнул я соседа и бросил лодку

на траву. — Глянь, чего притаранил. Нужно заклеить, срочно.

Он подошёл, присел на корточки, потрогал пробоину пальцем, потом почесал бороду. Смотрел недолго, опытному глазу тут и секунды хватало.

— Ну ясно, чего грохотало, — откликнулся он, наконец.
— Кто это в тебя так?

— Да кто ж меня? Это я сам, — ответил я.

Он поднял на меня глаза поверх очков.

— Сам?

— Конечно. Во дворе по... по крысам стрелял.

— У тебя по двору бегают крысы? — удивился сосед.

— Теперь — нет.

Михалыч хмыкнул и вернул взгляд на прореху в лодке. За это я его и уважал. Старик умел не лезть, куда не звали.

— Ну что, починишь?

— А то. Разговоров на рупь, делов на копейку. Садись пока, — махнул он на лавку под окном. — Я посмотрю, чем залатать.

Он нырнул обратно в мастерскую, а я сел и вытянул ноги. Из мастерской доносился звук старого телевизора. У Михалыча он всегда работал фоном. Я сперва не прислушивался. Мало ли у них там опять: то пожар, то золотуха, то очередной деятель обещает улучшить жизнь населению, а его потом на взятках берут. Всё как всегда.

Я смотрел на лодку, прикидывал, успеет ли Михалыч к

вечеру посадить латку, и думал о подлещиках, которые сейчас волновали меня куда больше всего остального мира.

Думал, пока из телевизора не донеслось слово, от которого у меня внутри дёрнулось.

«Маэстро».

Я услышал скрип собственных зубов и сам удивился, до чего ясно этот звук отозвался у меня в голове. Встал с лавки и быстро вошёл в мастерскую к соседу. Михалыч стоял у своих ящичков, спиной ко мне, перебирал что-то. На экране шли титры и была выставлена перед зрителем архивная фотография. Даже на этом вычищенном кадре видно — старая, пожелтевшая. А главное, что хорошо видно человека, его худое лицо, светлые глаза и тонкий рот.

Я узнал его сразу. Это был он... Маэстро.

Диктор тем временем продолжал:

— Серийный убийца, которого средства массовой информации окрестили Маэстро, совершил вчера побег из-под стражи. Преступнику удалось скрыться во время следственного мероприятия...

Михалыч что-то повествовал про стеклоткань и смолу, про то, что сначала надо пройти шкуркой, потом обезжирить ацетоном, иначе латка не сядет или, во всяком случае, долго не протянет, только я его уже не слышал. В душе будто распахнули заколоченную дверь в комнату, про которую я много лет старался даже не вспоминать. И оттуда сразу потянуло чем-то могильным и тяжёлым, тем затхлым воздухом,

который я за все эти годы так и не сумел из себя выветрить.

А следом пришёл голос дочери. Срывавшийся, злой и чужой от горя. Я и сейчас слышал его так ясно, словно она стояла рядом, а не жила за тридевять земель от меня.

— Это ты виноват, слышишь? Ты виноват! Если бы не твоя работа, мама была бы жива! — кричала Полина.

Я снова увидел её лицо, перекошенное от слёз и злости, увидел себя у стены, будто оглушенного. Слова тогда не шли. Да и какие слова тут могли что-то исправить?

— Ты чего это? — оглянулся на меня Михалыч. — Бледный весь, как поганка за парником... Не похмелился, что ли? На-ка.

Он мигом отмерил из мутной бутылки в гранёный стакан белёсой жидкости, сунул этот стакан мне в руку. Я машинально взял и так и остался стоять, держа тару в пальцах. По телевизору диктор продолжал вещать:

— Побег произошёл при выезде на следственное действие в лесу. Приговоренный к пожизненному заключению, этот человек после пяти лет отбытия наказания в колонии особого режима согласился показать место сокрытия останков одной из жертв, которую до сих пор так и не нашли. Следствие полагает, что это было уловкой с целью побега. Подробности выясняют наши корреспонденты. Они связываются с представителями пресс-служб правоохранительных органов. На данный момент это всё, что нам известно. Мы будем держать вас в курсе событий.

Дзень.

Стекло хрустнуло и лопнуло в ладони. Я и сам не заметил как с такой силой сжал пальцы. Гранёный стакан развалился у меня в руке. Мутная жидкость с запахом сивухи выплеснулась на пол.

— Ты чего? — Михалыч аж подскочил. — Имущество портишь. Ничего себе у тебя силища, Федорыч. Гранёный стакан сломать — это ж суметь...

Я медленно разжал пальцы. Осколки звякнули и посыпались вниз. По дощатому полу уже расползлось темное пятно.

На ладони выступили тонкие красные струйки. Я провёл большим пальцем по ребру ладони, стряхнул пару капель на пол и сказал:

— Видно, трещина там была... давно уже.

— Целый стакан был, — проговорил Михалыч, всё ещё косясь то на осколки, то на мою руку. — Целый и крепкий... как ты.

Потом он кивнул на экран, помолчал и всё-таки спросил:

— А это... тот самый, да? Это он... твою...

Договорить не успел. Наткнулся на мой взгляд и сразу осёкся. Я ничего не ответил, только слабо кивнул. Этого хватило.

— Лодку заклей, — сказал я и вышел.

***

Снаружи, вроде бы, ничего не изменилось. Всё та же сырость, тот же туман полз с озера и цеплялся за заборы. Лес фонил привычным шелестом, где-то брякнула цепью собака, потом снова стало тихо. Мир крутился своим ходом, чередуя всё те же картинки. Только для меня он уже сдвинулся. Жизнь в очередной раз перестала быть прежней в тот самый миг, когда с экрана на меня посмотрело это худое лицо со светлыми глазами и тонким ртом. Скорлупа, за которой я здесь укрылся, треснула и осыпалась.

Я сам не заметил, как вошел снова в дом. Притворил за собой дверь и долго сидел у старого дискового телефона, стоявшего на колченогой тумбочке. Аппарат остался ещё с советских времен, когда вещи делали на совесть. Тяжёлый, с пожелтевшим диском и пронзительным звонком, от которого и мёртвый бы вздрогнул. Мобильника у меня не было, только этот краснобокий старик и держал связь с внешним миром. Да и его я оставил, скорее, по служебной привычке, чем по надобности. Признаться, я им не пользовался годами. Всё, что мне было нужно, находилось в шаге от дома: Михалыч, двор, озеро. Магазин в райцентре раз в неделю.

Сейчас я возьмусь за старый пластик, подниму трубку, диск завертится с шорохом, и назад уже ничего не отмотаешь. Всё, что я день за днём в себе прикапывал, припорошивал рутиной, вырвется наружу.

Только и дальше сидеть, как мышь под половицей, уже не выходило. Маэстро ушёл, и спорить тут не с чем. Значит,

мои тихие деревенские похороны по самому себе закончились.

Я поднял трубку, сунул палец в дырочку диска и начал крутить. Номер набирал на память, и снова с досадой убедился, до чего она, зараза, устроена криво. Служебные номера выдаёт лучше, чем дни рождения близких. Этот я набрал с первого раза, будто вчера на него звонил, а не много лет назад.

Трубку подняли почти сразу. Даже длинные гудки я не успел послушать. Щелчок, короткое дыхание, а потом сразу знакомый хриплый голос.

— Паровозов, слушаю.

— Жив ещё, Седой, — сказал я.

На том конце молчали разве что с секунду. Потом в динамике прозвучал старый, давно забытый мной кричающий смешок:

— Египетская гондола... Мороз, тебя, что ли, черти из преисподней обратно выгнали?

Я откинулся на спинку стула, глядя в окно, за которым всё так же стоял туман, и ответил:

— Землю ещё топчу. Не дождутся. Ты мне лучше скажи, это правда?

В трубке повисла пауза. Потом Седой шумно выдохнул.

— Про Маэстро?

— Нет, про Паганини я спрашиваю. С утра, блин, из-за классиков звоню.

Он ещё раз втянул воздух. Я даже услышал, как в кабинете под ним тревожно скрипнуло кресло.

— Да, правда. Сбежал.

— Как? — тихо проговорил я в трубку. — Как прошляпили?

— Илья, вот этого никто не понимает. Всё как в плохом кино, понимаешь? Он заявил, что готов показать ещё одно место. Мы же не все тела нашли тогда, и где бы их искать... Столько времени прошло с тех пор, как ты его взял. Повезли его в лес, к старому карьере за объездной. Всё как полагается — конвой, следак, оперативники на подхвате, понятые. Всё по фэншую, мать его. Идёт себе в наручниках, потом вдруг раз, и проваливается в яму. Ловчая яма от браконьеров. Сверху ветки, трава, её и не видно было.

— Глубина?

— Да метра три с половиной, может, четыре. Ну, вроде разбился прилично, рожу себе рассёк, плечо выбил. Или сделал вид, что выбил, чёрт знает. Внизу лежит, стонет, встать не может.

— Симулировал?

— Ну, получается, да. Народ глянул: достать не получится, верёвки нет, связь тоже не пробивает, а в больничку его надо. Следственное мероприятие накрылось. Группа уехала за спасателями, оставили там двоих конвоиров и автозак с водилой. Подумали, куда он, раненый, денется? Да ещё и в наручниках. А пока спасателей ждали, он и смылся.

— Как, блин, смылся? Седой, ты понимаешь, что вы, мать твою, натворили?

— Да я-то что, Илюха, я что? Был бы я, я бы глаз с него не сводил, уж мне поверь, я гада знаю. Но я, сам знаешь, теперь начальник уголовного розыска. Не выезжаю на такие мероприятия. Моё дело сидеть в кабинете и грёбаные бумажки перебирать, — с досадой проговорил Паровозов, и кресло под ним снова скрипнуло. — Вот ты молодец. Смотался из комитета, сидишь там, пчёлок разводишь, самогон хлебашь...

Я слушал его, глядя в мутное стекло, и чувствовал, как в груди медленно собирается в ком тяжёлая, старая злость. Не на него лично, а на весь этот круг, из которого я когда-то выдрал себя с мясом... и зарёкся туда возвращаться.

— Ты же знаешь, почему я ушёл, — сказал я. — А ты работай, товарищ подполковник.

— Да знаю я всё, — вздохнул Седой.

— А что конвойные? — спросил я. — Что говорят?

— Да ни фиги не говорят... — хмыкнул он сухо и зло. — Спасатели приехали, водила в автозаке спит на дороге, а те двое в отключке. Яма пустая. Оба ничего толком вспомнить не могут. Бошки разбиты, сотрясение, валяются сейчас в больничке, работнички. Вот такая петрушка-ватрушка, Мороз.

Я промолчал. Картина вырисовывалась мерзкая и уж слишком знакомая. Если человек вроде Маэстро, он же Вик-

тор Ордынцев, решает уйти, то уходит он не наудачу. Он всегда заранее готовит себе дорожку, а чужую кровь и чужую глупость использует как ступени.

— Кстати, — проговорил подполковник после паузы, буд-то только сейчас вспомнил. — К тебе сегодня из комитета Лавров и Щупов приезжали? Ну, один в возрасте такой, а второй недавно после академии.

— Ну.

— Гну, Илюха... Что мне, клещами из тебя всё вытягивать. Ты, надеюсь, согласился?

Я усмехнулся. Даже по голосу он, наверное, понял, какая это была усмешка.

— Они как раз тебе рассказать про побег должны были. А ты вот мне звонишь. Значит...

— Не успели как-то. Знаешь... Я отвык от общения.

Седой помолчал с секунду, потом в голосе у него снова появился давешний крякающий смешок:

— Опять в табло прописал?

— Да нет, — сказал я. — Просто пожелал счастливого пути.

— Ну-ну... — протянул он с той интонацией, которая означала, что ни одному моему слову не верит. Потом сразу посерьёзnel: — Ты, Илюха, подумай. Ты его один раз поймал, никто кроме тебя тогда не мог, да и не смог бы. И в этот раз без тебя никак, сам знаешь. Помоги, а?

Я сжал трубку крепче, уткнулся взглядом в пожелтевший

диск телефона.

— Это не моя война, Седой, — сказал я и с силой положил трубку.

Аппарат глухо стукнул, что-то внутри даже звякнуло, но выдержал, и в доме сразу стало тихо. Я посидел с минуту, потом встал и вышел во двор.

Туман ещё не до конца разошёлся, со стороны сарая тянуло мокрой травой, и от этого изначального запаха земли жизнь на миг снова показалась простой и понятной. Я сделал шаг с крыльца, и тут в ногу мне уткнулся холодный нос козы.

— Привет, Мань, — сказал я. — Пошли, доить тебя пора.

Потрепал её по морде, и она тут же вытянула шею, прикрыла глаза от блаженства и замерла.

Глава 2

Руководитель городского Следственного комитета генерал Абрамов, человек грузный, краснолицый, с сарделечной шеей и выпученными глазами, сидел в кожаном кресле за широким столом своего кабинета.

Следователи по особо важным делам Лавров и Щупин стояли перед ним по стойке смирно, плечо к плечу, как два школяра, которых вызвали к директору после драки.

— Как это — вы ему ничего не успели сказать? — громыхал генерал, пристукивая по столу пухлым кулаком так, что в стакане с ручками и карандашами на столе всё мелко дрожало. — Я вас для чего послал, а?

Лавров, белобрысый старший из двоих, кашлянул и ответил как можно спокойнее, хотя лицо его уже покрывалось красными пятнами:

— Товарищ генерал, Мороз наотрез отказался с нами разговаривать. Мы не смогли...

— Вы сотрудники Следственного комитета, мать вашу, или кто вообще? — рявкнул Абрамов и подался вперёд. — Вы должны были любой ценой убедить этого... — он на секунду осёкся, будто сам не хотел вслух произносить, с кем приходится связываться, потом всё же выдавил: — ...этого беспринципного, циничного, плевавшего на всякую дисциплину сотрудника вернуться в строй. Потому что он, чёрт

его дери, лучший. Он лучше всех вас в сыском деле, причём вместе взятых. Маэстро на свободе! Да нам Москва за такое сначала холку намылит, а потом хребет переломает. Маньяка упустили. Маньяка, мать твою! Вы вообще понимаете, что сейчас пойдёт-то? Когда он опять начнёт... тьфу, тьфу, тьфу...

Генерал трижды постучал по столу костяшками пальцев, а потом уже тише, но оттого только злее проговорил:

— Да не дай бог он за старое примется, пока мы его не успеем взять. А без Мороза мы не успеем. Это как в почтовый ящик срать! Это будут новые жертвы. Новые трупы. Пойдете у меня в народное хозяйство кур доить! — генерал выдохнул и тихо добавил: — И я с вами, так его растак...

Щупин, тот, что помоложе, всё это время стоял, втянув голову в плечи, и неестественно часто моргал. И при упоминании фамилии Мороз его ещё немного перекосило. Он всё ещё помнил, как по ним с Лавровым ходил ствол.

Наконец он не выдержал и проговорил:

— Товарищ генерал... Он в нас стрелял. Я хочу написать рапорт. Я бы вообще этого... Отмороженного привлёк к уголовной ответственности.

— Щупин — рывкнул Абрамов так, что зазвенел воздух. — Ты что несёшь? Отмороженный — это его прозвище, а не ругательство.

Генерал медленно поднялся из-за стола. Ростом он не вышел и особой угрозы обычно не внушал, зато за счёт тяжёлой

туши и всей той злости, что сейчас в нём клокотала, кабинет сразу стал теснее. Он обошёл стол, остановился напротив подчинённых и ткнул пальцем сперва в одного, потом в другого.

— Идите — и приведите мне его.

Лавров снова заговорил:

— Товарищ генерал, он же нас... кхм, к нам предвзято относится. Лучше послать других. А ещё лучше, если бы вы... простите... ну, сами с ним поговорили.

Абрамов уставился на подчиненного как на идиота, а потом бессильно опустил в кресло и выдохнул:

— Вы мне тут цирк с конями не устраивайте. Детский сад, младшая песочница.

***

Я отпилил стволы у ружья, обточил края напильником и срезал приклад. Добрый получился обрез. Двенадцатый калибр да патроны с картечью, убойная штука, тушите свет. Закончив с оружием, смёл стружку и сел в кресло.

Смотрел в тусклый экран телевизора, накрытый белой тканевой салфеткой, по краям уже прихваченной тонкой паутинкой. Телек я не включал несколько лет. Так тот и стоял в углу — молчаливый и мёртвый, будто мы с ним оба знали слишком много и давно договорились больше друг друга не тревожить. А сейчас вдруг потянуло подойти, сдёрнуть салфетку, щёлкнуть кнопкой и посмотреть новости. Просто по-

смотреть, как люди в галстуках с умными лицами рассказывают не то зрителю, не то друг другу, что мир ещё крутится-вертится.

Стационарный телефон вдруг бзынькнул, но только один раз — и тут же затих. Будто бы по ошибке. Рука сама потянулась к трубке и застыла на полдороге. Всё. Молчит. Больше не звонит. Видно, кто-то не то набрал или передумал.

Или... Или это знак.

Я посидел ещё с минуту, потом усмехнулся про себя. Ну раз уж сегодня день звонков и переговоров, чего тянуть. Подался вперёд, взял трубку и набрал номер. На этот раз — мобильный.

— Алло, кто это? — раздался молодой девичий голос.

У меня на секунду пересохло во рту. Голос уже не детский, совсем не тот, что остался у меня в памяти. Чужой почти. Только интонация... манера говорить — совсем как тогда, быстрая и колючая.

— Полина, это я. Отец, — тихо проговорил я в трубку.

На том конце воцарилась пауза.

— Очнулся, — наконец, прошипела она. — Из запоя, наверное, вышел, соизволил позвонить.

Я прикрыл глаза и сжал пальцами край стола.

— Ну знаешь же, у меня был непростой период...

— И что тебе надо теперь?

— Полин, ну зачем так?

— Потому что если бы не ты, если бы не твоя чёртова

работа, мама была бы жива, а я бы не росла в интернате.

От этих слов у меня в груди будто кто-то провернул ржавый нож. Я вдохнул, выдохнул и сказал уже глуше:

— Я тебе сто раз говорил. Я не знал, что тебя в интернат отдали. Думал, бабушка с дедом забрали. Я тогда ловил этого... того, кто убил маму. Я посвятил этому свою жизнь.

— Бабушка с дедушкой, — передразнила Полина, и в голосе у неё было столько злости, что я даже трубку от уха чуть отнял. — Они забирали меня только на выходные. И то не всегда. Сплавляли вы все меня туда, и всё. А когда за мной не приходили, всех детей забирали, а я оставалась там одна, в почти пустом здании, на все выходные. Ты вообще представляешь, как я себя чувствовала, при том что у меня вообще-то был ты? Или должен был быть — отец. Живой. Где-то. А ты гонялся за маньяком.

Я молчал. Что тут скажешь? Что работал? Что тогда просто-напросто жил на работе и считал, что делаю все правильно, что дочка поймёт? Для неё это всё было пустым звуком. Ей нужен был не следователь, не охотник за убийцей матери. Ей нужен был отец.

А я в тот момент выбрал другое. Выбрал то, за что мог ухватиться, что считал единственно верным. Поймать гада...

— Как там его? Маэстро, да? — продолжала она, уже почти задыхаясь от гнева и слёз. — И что? Поймал? Лучше стало? Маму вернул? Да ты даже не отомстил. Ты не убил его. Если бы действительно хотел отомстить, ты бы не дово-

дил его до суда. Ты бы его собственноручно застрелил. Звонишь теперь. Ненавижу!

И Полина бросила трубку.

В комнате сразу стало тихо. Даже тише, чем было до звонка. Я сидел с трубкой в руке и смотрел в стену, а в голове всё крутилась брошенная ею фраза: «Ты бы его собственноручно застрелил». И ведь права, зараза. Права.

***

Я вышел во двор с сумкой на плече, накинул Маньке петлю и повёл её по улице. Коза семенила послушно, только время от времени тянула шею в сторону лопухов и мокрой травы у канавы.

Михалыч закончил ковыряться в мастерской, вышел наружу и теперь сидел на завалинке, курил, щурясь сквозь дым на улицу.

— Ха, ты куда это потопал? — хмыкнул он, увидев меня. — Новые выпаса искать? Иди на запрудку, там травка сочнее и полыни нет.

Я молча открыл калитку, завёл Маньку во двор и подвёл к завалинке.

— Держи, — я протянул ему верёвку.

Михалыч сперва не понял. Взял машинально, потом посмотрел на меня, на козу, снова на меня, и в глазах мелькнуло недоумение.

— Э... ты что, продать козу мне хочешь? — спросил он.

— Токма у меня грошей нет, сам понимаешь. Ну ежели не задорого, то...

— Дарю, — сказал я и погладил Маньку по шее.

Она подняла на меня глаза. Смотрела жалобно, по-собачьи, и правда что-то понимала.

— Едрёна копоть... Как это — даришь? — Михалыч даже сигарету вынул изо рта. — Добрая же у тебя коза, Фёдорыч. Молоко даёт, удоёй хороший. За так, что ль? Это за то, что я тебе лодку починял, или что? Да не, ты чо, там делов-то... Спасибо, конечно, только я не могу.

— Я хочу, чтобы ты о ней заботился. И не дай бог зарежешь. Я ведь вернусь когда-нибудь. Если жив буду...

— Да ну, какой «зарежешь», обижаешь, чтоб тебя куры затоптали, — сразу замахал он рукой. — Ты что? Маню! Ух, спасибо... Это ж с ней мороки немного. Тут и лес рядом, и трава, и всё своё. Я и соседям смогу молочко продавать.

Он уже размечтался. Даже пальцы начал загибать, будто прикидывал невидимый доход с будущих надоев. Старик был вообще-то хозяйственный, хоть и выпивоха. Ему только дай что-нибудь полезное, он сразу в уме разложит, как это поставить на место и какой с того будет прок.

Я развернулся и пошёл к калитке.

— Ай, постой, Федорыч, — окликнул меня старик. — А ты-то куда? В город, что ли, собрался? Обратнo? Да чего тебе там делать?

Я остановился, не оборачиваясь сразу. Поправил сумку на

плече, посмотрел на дорогу, где утренним солнцем уже подсушило колею, и только потом ответил:

— Старого знакомого повидать. Только его сначала найти надо.

***

Я вошёл в кабинет с табличкой: «Руководитель Следственного комитета. Генерал Абрамов Сергей Сергеевич», распахнул дверь и шагнул внутрь.

— Занят! — крикнул генерал, даже не поднимая головы. — Вас что, стучать не учи...

И осёкся, едва увидев меня. Даже китель чуть расстегнул, будто ему вдруг воздуха не хватило. Сипло проговорил:

— Илья Фёдорович... Проходите.

У его стола чуть ли не по стойке смирно, вытянувшись в струнку, стояли те двое, что приезжали ко мне с утра. Как сказал Седой, это были следаки СК, Лавров и Щупин, кажется. Щупин — тот, что молодой. Фамилия ему подходила. Нет, он не то чтобы совсем щуплый, жилы в нём явно есть, только сам он выглядел хоть и поджарым, но каким-то скользким типчиком. Мне он с первого взгляда не понравился. А вот со старым ещё можно было разговор вести.

И именно Щупин, увидев меня, сразу бочком-бочком попятился и затараторил:

— Товарищ генерал! Он из гладкоствольного оружия по нам стрелял!

— Да замолчи ты уже! — махнул Сергей Сергеевич на подчинённого и сразу переключился на меня. — Ну что, Илья, здравствуй, что ли, — он поднялся, обошёл стол и протянул широкую ладонь.

Я крепко пожал ее.

— И тебе не хворать, Сергей Сергеевич. Я что пришёл-то... слышал, что Маэстро сбежал.

— Сбежал, гад, — закивал генерал. — Сбежал. Вот хотим тебя попросить возглавить следственно-оперативную группу, чтобы ты, так сказать, свои прошлые навыки применил для, кхм, поимки. Сам понимаешь, дело на всю... короче, настолько резонансное, что головы у всех полетят, до самой Москвы на кольях вывешат.

— Да что мне ваши головы, — сказал я абсолютно серьёзно. — У меня свой интерес.

— Понимаю, понимаю, — снова закивал генерал, оживившись, несмотря на сказанное. — Ну что, чаёк, кофеёк или что покрепче?

— Некогда мне чай распивать. Давай к делу, — сказал я.

— Вот это по-нашему, — сжал кулак генерал. — Вот за что я тебя всегда уважал, Илья Фёдорович. Что ты человек прямой и деловой, так сказать.

— Какие у меня будут полномочия? — спросил я.

— Ну, в общем, расклад такой, — начал Абрамов, деловито подбираясь. — В штат войдешь, как прежде. Но... сейчас, сам понимаешь, восстановление на службе — это мед-

комиссия, полиграф, тесты у психологов, — при этом слове генерал покрутил пальцем у виска. — Запросы на секретку и по линии ФСБ проверки. Но ты включайся в работу пока ... ну... как консультант. Потом оформим и...

— Так не пойдёт, — перебил я его. — Либо приказ делайте по-быстрому, срочняком, либо до свидания. Как консультант я не буду. Я не гражданский человек, чтобы кому-то кланяться.

— Да какая тут...

Я стоял на своём:

— Мне ствол нужен, как сотруднику.

— Ну, закон есть закон, порядок есть порядок, — Абрамов чуть развёл руками.

— Что ж. До свидания, Сергей Сергеевич.

Я развернулся к двери. Пусть генерал не думает, что я пришёл торговаться и выслушивать какие бы то ни было условия.

— Постой, постой, Мороз, не кипятись, — сразу заговорил генерал. — Хорошо. Я поговорю с Москвой. Есть выход на кадры. Ну, сделаем. В порядке исключения. Может, задним числом всё это и оформим. Ты... только сходи, медкомиссию пройди. Ладно?

Я посмотрел на него тяжёлым взглядом.

Он выдержал его секунду, потом проговорил:

— Всё понял, Федорыч. Никуда не ходи. И медкомиссию оформим. Позвоню в госпиталь, в медсанчасть, всё сделаем,

как полагается. Можешь приступить хоть сегодня.

— Удостоверение, — стал перечислять я. — Ствол мне нужен. И секретарша, чтобы кофе варила. Желательно, чтобы сиськи побольше. И лицо не такое глупое, как в фильмах показывают.

Генерал задумался, почесал затылок и даже прикинул что-то в уме.

— Кхм... Секретарша не положена. Ты, знаешь ли, не генерал какой.

— Да шучу я, Сергей Сергеевич.

Тот сразу расслабился и хохотнул.

— А! Ха! Шутишь, да?

— Конечно, шучу, — кивнул я. — Секретаршу можно и с обычными сиськами.

Раздался громкий стук в дверь, и в кабинет тут же ввалился раскрасневшийся охранник с подбитым глазом и за ним двое росгвардейцев в бронежилетах, у одного автомат, второй старший. Группа быстрого реагирования.

— Сергей Сергеевич, фух... нашел его... извините... — охранник тыкал дрожащим пальцем в меня, а второй рукой прикрывал фингал. — У него ж в сумке обрез. Я просветил на входе, а он все равно прошел. Я кнопку тревожную и... сюда.

Глава 3

— Какой ещё обрез? — удивился генерал и даже подался вперёд.

Охранник, застрявший у двери вместе с ростовардейцами, быстро обозначил руками размер. С таким размахом, с каким рыбаки обычно врёт про улов.

— Вот такой, товарищ генерал. В сумке лёг бы свободно.

Абрамов перевёл взгляд на меня, потом снова на охранника и ткнул в мою сторону толстым пальцем.

— Это наш новый сотрудник. Следователь по особо важным делам Мороз Илья Фёдорович. Так что никаких обрестов у него нет и быть не может.

Старший наряда, мужик с землистым лицом и глазами человека, которого уже ничем не удивишь, сотворил предельно вежливую мину и произнёс:

— Извините, товарищ генерал. Поступил сигнал, мы обязаны отреагировать. Разрешите проверить сумку, и мы уйдём.

В голосе ясно слышно было то упрямство, с которым служивые идут на рожон, когда знают, что по инструкции правы именно они.

— Не разрешаю! — грохнул кулаком по столу генерал. — Свободны.

Щупин при этом весь подобрался. По его морде было вид-

но, что он уже мысленно дописывает рапорт и получает благодарность за раскрытие внутреннего врага.

— Да ладно, Сергей Сергеевич, — сказал я. — Что ты на служивых так. У них своя работа.

Я поставил сумку на край стола, расстегнул молнию и, не торопясь, полез внутрь. Вынул обрез, покрутил в руках и глянул на присутствующих.

Автоматчик тут же перехватил оружие. Не вскинул, молодец, только подобрался весь, как перед командой. Старший наряда тоже собрался, а Щупин расплылся в торжествующей злорадной улыбке. На роже у него так и было написано: ну вот, попался. Абрамов вытаращил глаза, будто у меня в руках извивалась живая гадюка.

— Нашёл, — сказал я. — Несу в ментовку сдавать.

Генерал шумно выдохнул.

— Ну вот же... Слышали? Нашёл. Добровольная выдача. За добровольную выдачу огнестрельного оружия от ответственности освобождают. Всё, свободны.

Охранник потёр глаз и вышел первым. За ним потянулись росгвардейцы.

Щупин дождался, пока дверь закроется, и сразу наклонился к Абрамову. Шептал ему на ухо так яростно, что мог бы и не утруждать себя понижением голоса, и так все прекрасно было слышно.

— Сергей Сергеевич, вы же знаете, что он врёт. Вы разве ему поверили? Он же всех подведёт.

Я повернул голову и посмотрел на молодого. Щупин тут же выпрямился и сделал невозмутимое лицо служаки, который ничего такого не говорил и вообще всегда готов взять под козырёк.

Генерал, наоборот, оживился. Потёр руки, поднялся из-за стола и заговорил деловым тоном, как ни в чем ни бывало:

— Если ни у кого возражений и вопросов никаких нет, значит, принимаемся за дело. Так. Первое задание, Мороз. Езжай на место происшествия, туда, где случился побег. Осмотри там всё как положено. Криминалиста возьми, если надо, следака, чтобы под протокол сразу допосмотр оформить. И выясни, как этот гад умудрился испариться из ямы. Это ж никто так и не понял до сих пор.

— Конвойных ещё надо туда дернуть, — сказал я. — Чтобы картинку сложить.

— Да они ничего не помнят, — развёл руками генерал. — Они же лежали в отключке.

— Ну вот пусть так же лягут, как лежали в отключке. А я посмотрю.

— Но они в больничке. Не сдёргивать же...

— Ну договорись с главврачом — или с кем там надо.

Абрамов поморщился, будто я попросил у него не конвойных, а почку. Всё-таки поднял трубку, набрал кого-то, коротко поговорил.

— Ну вот. В общем, одного могут отпустить. Уже даже выписку собирались оформить. У второго сотряс посильнее.

Доктора протестуют.

— Ладно, — сказал я. — Хватит и одного. Ну и следачка нужна протокол писать.

— Так вот же, — ткнул генерал пальцем в Щупина. — Прощу любить и жаловать. Твой новый напарник.

— Что-о? — выдохнул я.

— Да ты не волнуйся, — быстро заговорил Абрамов. — Это он с виду такой молодой. Щупин Валентин Матвеевич, старший лейтенант юстиции, двадцать восемь лет парню, а уже следователь по особо важным. Красный диплом академии, школа с золотой медалью. Отличник боевой и физической подготовки, так сказать. Надо же молодому поколению перенимать опыт от таких зубров, как ты, Илья Фёдорович. Сработаетесь.

Будто это я к нему с улицы, из-за забора наниматься пришёл, а не он мне этих двоих подослал, упрашивать.

— Я работаю один, — с нажимом проговорил я.

— Да погоди ты, — сразу вскинул ладони генерал. — Не получится одному. Ну пойми, сам же знаешь, что по каждому резонансному громкому делу формируется отдельная следственно-оперативная группа. Ты входишь в её состав и, соответственно, будешь её руководителем. Но сам же ты, Илья Фёдорович, не будешь по всем дворам бегать, все бумаги оформлять. Тебе же нужны люди. Ну...

Я почесал затылок и посмотрел на Щупина нарочито внимательно. Тот стоял прямо, только глазки сужены. Молодой,

гладкий, правильный. Ну чисто угорь. Из тех, кого в академии любят показывать на фотографиях для проверяющих и прессы. В деле такие обычно не тянут.

— Ну, если бумажки оформлять... — кивнул я молодому.
— А кофе варить умеешь?

Щупин сильнее стиснул зубы, насупился.

— Ладно, — махнул я рукой и повернулся к генералу. — Будет вместо секретарши. Только давай сразу, Сергей Сергеевич, обговорим всё до крутых поворотов. Если не выдержит стажёр, потом не обессудь.

— Я не стажёр, — прошипел Щупин. — Я действующий сотрудник Следственного комитета.

Я же продолжал, не отреагировав никак, будто никто тут кроме меня ничего не говорил:

— Если не будет справляться, мигом его заберёшь на другую линию работы.

Абрамов тут же закивал, будто согласен был буквально на всё — так боялся, что я сейчас развернусь и уйду. Но поспешил заверить:

— Да он справится. Работоспособный. Я уверен, что вы сработаетесь. Вы просто светлые головы в нашем... э-э... тёмном царстве. Кхе... А теперь всё, идите работайте. Будет завтра тебе, Мороз, и ксива, и ствол. А обрез всё-таки сдай в полицию. Зачем он тебе нужен?

— Мало ли что, — сказал я. — Ты мне табельное пока не выдал.

Я снял сумку с плеча и протянул её Щупину. Тот машинально взял, видно, рука сработала быстрее головы.

— Держи. Будешь носить.

— Я вам что, носильщик? — обиженно пробормотал он.

— Оруженосец, — по слогам проговорил я.

И на этом вышел из кабинета. Дверь за мной захлопнулась.

***

Щупин задержался в кабинете генерала, не пошёл следом за Морозом, как тот ему велел. Прикрыл дверь и повернулся к Абрамову.

— Ну чего, Валентин, встал? — недовольно поморщился тот. — Иди работай.

— Товарищ генерал, ну он же точно отмороженный, — выдохнул следователь. — Вы видели? Незаконное оружие мне всучил.

— Ну-ну, Валентин, — Сергей Сергеевич похлопал его по плечу. — Не нагнетай. Ты лучше найди подход к нему. Ты справишься. У нас, сам понимаешь, других вариантов нет. Ты, что ли, Маэстро будешь искать?

При этом хозяин кабинета так скривился, что лучше было на этот вопрос не отвечать. Щупин только вздёрнул плечи и добавил:

— Он сумасшедший. Он психопат. Как он вообще может кого-то найти?

— Вот поедешь с ним на место побега, походишь и сам посмотришь, как Отмороженный работает. Ещё учиться станешь у мастера. Но ты это... не слишком там перенимай. И вообще... Иди уже.

Щупин взялся за ручку двери и напоследок потряс сумкой:

— А это куда?

— Работай, — отмахнулся генерал и снова уткнулся в бумажки.

***

Я стоял на краю ловчей ямы на лесной опушке и смотрел вниз, где вчера, по словам конвоя, в наручниках лежал и стонал Маэстро. Изображал разбитого и беспомощного, а потом взял и испарился.

Рядом маячил криминалист с фотоаппаратом наизготовку. Чуть поодаль переминался один из конвоиров, парень в гражданке, с перемотанной головой и бледным лицом.

Щупин держался рядом, старательно делая вид, что думает, а местный опер из ОВД с кислой миной косился то на солнце, то на кромку леса, где уже накапливалась спасительная тень. Он недоумевал, какой смысл было тащиться сюда, ведь все очевидно: яма пустая, маньяк сбежал, а значит, чего тут жариться.

А солнце палило нещадно. Лето вошло в силу по-настоящему, и всем здесь хотелось одного — поскорее спрятаться

в тень, а ещё лучше — разлечься под кондёром.

— Ну, сокол ясноглазый, — сказал я забинтованному. — Рассказывай, кто тебя ударил.

Он посмотрел на меня усталым взглядом, видно, надоело, как попугаю, сто раз повторять одно и то же.

— Да не видел я ничего. Сзади кто-то подошел. Треснул, и я в отключке. Напарника моего так же.

— Сзади, понятно. А вы, значит, здесь стояли, — сказал я. — Покажи точно, где.

Парень шагнул ближе к яме и ткнул носком кроссовка в землю.

— Ну вот здесь. Почти на краю.

— И как же он испарился из этой ямы?

Он сглотнул, в замешательстве покосился вниз.

— Ну... наверное, тот, кто нас ударил, тот его и вытащил. Сам же он не мог...

Я ничего не сказал. Обошёл край ямы, остановился у единственного пня, торчавшего неподалеку, слева, и присел. Кора там была содрана недавно, лохмотья ещё не успели потемнеть, под ними светлела древесина. Я провёл пальцами по стволу, посмотрел на ободранные участки, потом поднял глаза на конвойного.

— Долго вы тут стояли?

— Ну... не знаю. Час, может.

— Погода вчера какая была? Такая же?

— Ну да.

Я выпрямился и посмотрел на него уже в упор.

— И, то есть, ты мне хочешь сказать, что ты на таком солнцепёке стоял, не уходя в тень?

Парень сразу сдулся. Сглотнул ещё раз, машинально оглянулся в сторону кромки леса, где как раз лежала тень, и опустил голову.

— Так это...

Я хмыкнул.

— Давай рулетку, — сказал я криминалисту. — Измерим глубину ямы.

Он нахмурился, но чемоданчик послушно открыл.

— Зачем? Уже, вроде, описывали её. Примерную глубину писали.

— Именно что. Нужна точная, — сказал я.

Я уже собирался спустить криминалиста прямо в яму, когда с дороги донёсся звук двигателя. По просёлку, поднимая сухую пыль, подкатил знакомый служебный уазик.

Машина остановилась у кромки леса, дверь распахнулась, и наружу выбрался мой старый знакомый, начальник уголовного розыска Паровозов Евгений Сергеевич по прозвищу Седой. Поседел он ещё в тридцать, и прозвище с тех пор к нему так и приросло. А теперь и вовсе был белый, как лунь. Волосы, брови, даже ресницы побелели так, что на солнце казалось, что его мукой припорошило.

— Здорово, Отмороженный! — крикнул он ещё на ходу.

— Привет, Седой, — сказал я. — Ты чего так выбелился?

Он хрюкнул своим старым смешком, подошёл ближе, и мы пожали друг другу руки.

— Спасибо, что согласился вернуться в наши ряды, — сказал он уже другим голосом без смеха.

— Да ерунда, — ответил я и кивнул на Щупина. — Вон, секретаршу даже дали. Правда, неправильную какую-то. Без сисек.

Молодой сразу подобрался. Не знаю, всё ли он расслышал, но, что речь про него, понял точно. Морда вытянулась удавчиком.

— Ну что думаешь? — Седой задумчиво потёр подбородок. — Как он сбежал? Кто ему помог?

— А никто ему не помогал, — сказал я.

— Как это?

— А вот так. Давайте лестницу.

Верёвочную лестницу размотали, спустили в яму. Я полез вниз. Земля ещё держала свежий срез, осыпалась под пальцами не слишком сильно, рыхлыми крупинками. На дне я присел, провёл рукой по стенке и показал наверх:

— Видите? Тут корешки срезаны. Срезы свежие, дерево ещё светлое. Яму докапывали, углубляли. Обычная ловчая так глубоко не идёт. Куда такая? На зверя и в два раза меньше хватило бы. Эту делали именно под Маэстро. Чтобы он сюда шлёпнулся, разыграл поломанного, а вы его сразу не достали и потому побежали за помощью.

Я разгреб землю у стенки, нащупал пальцами доски, под-

дел и поднял крышку. На дне открылась ниша. На фоне темной земли что-то заметно белело. Я наклонился ближе, чтобы рассмотреть. Это оказался клочок бумаги. Я спешно накрыл его ладонью и сунул его в карман. Потом разберемся.

— Вот, — сказал я. — Не надо гадать, как он выбрался. Он не выбирался. Он тут и лежал. Укрылся здесь и лежал тихо. И ключ от наручников здесь припрятан был.

Наверху кто-то шумно выдохнул.

— Египетская гондола! — воскликнул Седой. — Так гад все это время был здесь!

Я выбрался из ямы с помощью лесенки, стряхнул с ладоней землю и кивнул в сторону забинтованного конвойного.

— Пока эти гаврики вон там, в тенёчке прохлаждались, он туда нырнул и ждал под двойным дном. Потом они, видно, решили проверить яму, подошли, а она пустая. Ну и подумали, что он как-то выбрался.

— Но он же потом всё равно как-то вылез, — сказал Седой.

— Вот видишь, — я подошёл к пеньку у края ямы. — На коре свежие следы от крюков. Там, в схроне, лежала верёвка с «кошкой». Выждал наш заключенный, когда вокруг всё стихнет, накинул крюк на пень и вылез.

Седой задумчиво уставился на меня.

— Кто-то подготовил ему эту яму, — сказал я. — Тот, кто держал с ним связь. Нужно проверить всех посетителей, кто к нему на зоне ездил.

— Да проверяли уже, — выдохнул начальник УГРО. — Ничего интересного. Там свидания краткосрочные, на пять часов в год максимум. А на долгосрок к нему никто не приходил.

Я снова подошел к конвойному.

— Ну, показывай, — сказал я. — Где вы там в тенёчке стояли?

Забинтованный угрюмо побрёл к кромке деревьев. Мы двинулись за ним. Под ногами хрустела хвоя, от прогретой земли тянуло пылью и прелым корнем.

Мы вышли к деревьям. Тень здесь была густая, такая, в какую так и тянет спрятаться в жару любого нормального человека.

— Вот тут, — пробормотал он. — Здесь мы стояли.

Я оглядел землю, стволы, примятую траву, потом ткнул пальцем в одно дерево.

— Подойди-ка сюда, дружок. Вот к этому дереву встань. Он послушно подошёл.

— Встань, встань. Чего замер? Не стесняйся. Спиной прижмись к дереву.

Парень встал спиной к стволу. Я шагнул ближе, взял его за лоб ладонью и чуть подал назад. Несильно. Ровно настолько, чтобы затылок ткнулся в кору.

— Ай... больно, — сразу выдохнул он.

— Совпадает, — сказал я и отвёл его в сторону. — Отойди.

Потом показал остальным на ствол.

— Смотрите. Видите следы крови? Аккурат в том месте, где у него бинт на затылке, — я ткнул испытывающим взглядом конвойного. — Сам расскажешь или мне выложить?

Тот помолчал несколько секунд, глядя в землю.

— Сам, — наконец, выдавил он. — В общем... никто нас по голове не бил. Мы тут в тенёчке ждали. Думали, ну куда он денется? В наручниках, поломанный, что его сторожить, там три метра. Перекрикивались с ним сперва. Потом он замолчал. Мы подошли к яме, а его нет. Будто исчез. Испарился.

Он потёр бинт и продолжил уже тише:

— Ну... испугались. Побег из-под стражи... Сами знаете, что нам за это будет. И решили... — он снова замялся.

— Инсценировать нападение, — дополнил я. — Ну давай, давай.

Конвоир прочистил горло.

— Да. Мы договорились, я напарника своего, в общем, по голове палкой оприходовал. Тот отключился. А самому пришлось вот... затылком о дерево биться. Сильно не мог, только кожу рассёк. Сами понимаете, сам себя сильно не ударишь.

— Твою мать... — Седой схватился за голову. — Это ж как теперь всё наверх докладывать?

— Как есть. Таких артистов гнать поганой метлой из органов, — сказал я. — В любом случае.

Седой тяжело выдохнул, глядя то на яму, то на конвойного, то на меня.

— Спасибо тебе, Илья. А мы голову сломали, как да что. Что за, блин, Кентервильское привидение такое, исчез как и не было. А яму досконально обшарить даже ума не хватило. Ну и так же видно было, что пустая.

— Видно, — сказал я. — Только видно не всё.

— Как ты понял?

— Ловчая яма на открытой местности. Обычно её делают на звериной тропке, под покровом деревьев, чтобы глазом не цепляло. А тут хитрая яма. Выкопали специально под человека. И землю ведь куда-то вывезли, не рядом же кучей сложено. Значит, готовили с умом. Получается, на свободе у Маэстро есть помощник. Или помощники.

***

— Всё сфотографировал? — спросил Седой у криминалиста, когда тот щёлкнул камерой в последний раз и опустил аппарат на грудь.

— Да, всё.

— Ладно, грузимся тогда.

Народ уже начал расходиться к машинам. Местный опер первым рванул в тень, забинтованный конвойный поплёлся за ним, а криминалист уже убирал камеру в кофр, когда я сказал:

— Погодите. Глубину ямы-то не измерили.

Криминалист остановился, хлопнул себя по лбу и поморщился.

— А-а... да, точно.

Полез в сумку за рулеткой. Я протянул руку:

— Дай сюда. А то ещё и это как-нибудь не так измеришь.

Он сжал губы, но рулетку отдал. Я обернулся к Щупину.

— Пошли со мной. Поможешь.

Тот сперва сделал вид, что не понял, к кому обращаются, потом всё же отлип от машины и двинулся следом. Мы вернулись к краю ямы. Солнце лупило прямо в спину, внизу лежала густая тень, и от этого дно казалось ещё дальше. Щупин молчал всю дорогу, потом всё-таки заговорил. Видно, не выдержал.

— Признаться, впечатлён, — сказал он, глядя не на меня, а в яму. — Как вы так всё распознали. Но это ничего не меняет. Я по-прежнему считаю вас неуравновешенным и не способным достойно нести службу в органах следствия.

Я посмотрел на него и усмехнулся.

— Меньше слов. Давай, спускайся. Подержишь рулеточку, а я скину верёвочную лестницу вниз.

Он повел плечом. Видно, хотел ещё что-то умное сказать, только понял, что сейчас будет лучше заткнуться и делать, что велят.

— Ага. Сейчас, — кивнул молодой.

Я сбросил лестницу в яму. Верёвка шлёпнулась о дно, перекладины застучали по стенке. Щупин, бормоча себе под

нос, полез вниз. Лез аккуратно, чтобы не замарать костюм. Добрался до дна, распрямился, задрал голову и крикнул:

— Давайте, конец рулетки спускайте.

Я поднял верёвочную лестницу, смотал её в тугой моток и зашагал прочь.

— Эй! — донеслось снизу. — Вы куда? А я? Эй, это не смешно! Скиньте лестницу!

Я даже не обернулся. Прошёл через поляну к машинам, закинул лестницу в багажник и сказал:

— Ну всё. Три с половиной метра. Ровно. Поехали.

Седой уже взялся за дверцу, потом остановился и огляделся.

— А где адъютант твой?

— Да, — махнул я. — Решил сам дойти. Вон, там гербарий какой-то нашёл. Любопытный ботаник, блин.

— Какой ещё гербарий? — нахмурился Седой.

— А я почём знаю. Поехали, заводи.

— Так тут до города далеко. Как он дойдёт-то?

— Ну это уж я не знаю. Может, на такси хочет.

— Так тут и, связи, вроде нет...

— Ой, ну, хочешь — сам иди у него спроси, — махнул я рукой.

Седой покосился в сторону ямы, потом в прищуре глянул на солнце и махнул рукой:

— Да нет, ладно. Поехали.

Двигатель завёлся, машины понесли нас из леса. В приот-

крытое окно ещё какое-то время доносился крик Щупина:
— Помогите! Кто-нибудь!

Но водитель врубил радио, и никто, кроме меня, этого крика не слышал. Да и я вскоре перестал. Не до него стало.

Я достал записку, которую нашёл на дне ямы, в той нише. Бумага была сложена вчетверо, отсырела от земли, край чуть размяк. Я наконец развернул её и прочитал.

«Мороз! Ты всегда спешил к финалу, а я люблю увертюры. Первая уже сыграна. Ты к ней опоздал. Ищи там, где в прошлый раз остановилось время. Ты сам это видел, просто не придавал значения. Запоминается последняя фраза. Маэстро».

Я смял листок так, что ногти впились в ладонь. Ладно. Ладно... Вдох-выдох.

Ну нет... листок пригодится. Разжал ладонь. В ребусы, значит, играем? Пока ничего не понять, ясно только одно — он кого-то уже убил. И хочет, чтобы я лично нашел труп.

Глава 4

«Мини-Купер» остановился у одного из домов в коттеджном посёлке.

Этот дом стоял на самом краю улицы, дальше — только лес, и на фоне соседних строений с ярко-красной черепицей и жизнерадостными белыми изгородями выглядел слишком тёмным, почти чёрным. И, вроде, не слишком старый, даже с современным фасадом, но почему-то не чувствовалось от него уюта. Всё как в рекламных буклетах: графитовый металл, обожжённая доска, узкие вертикальные окна, глухой фасад и слишком ровные линии — и никаких признаков обжитости, ничего живого.

Из «Мини-Купера» вышла молодая женщина в брючном костюме. Несмотря на жару, она не снимала пиджак, старалась держать марку. В костюме и при белой блузке всегда выглядишь профессиональнее, и она это прекрасно знала. Постояв с минуту, автоледи посмотрела на часы, поджала губы.

— Да где же он? Должен уже быть здесь. Опаздывает, что ли? — пробормотала женщина.

Сдвув белую прядку со вспотевшего лба, она прошла к забору. В одной руке у неё была планшетка с бумагами, другой она сунула ключ в скважину калитки — хотела открыть, только замок не поддавался. Хмыкнув, она с раздражением толкнула дверцу, ни на что особенно не надеясь, и та вдруг

сама подалась внутрь. Не заперта.

Женщина шагнула вперёд и чуть не уткнулась в человека, который, как оказалось, тихо стоял сразу за калиткой.

— О господи! — воскликнула она, машинально прижимая руку к сердцу. — Вы меня напугали.

Незнакомец стоял молча. На нём были огромные солнцезащитные очки и странная мешковатая футболка с капюшоном, который он зачем-то накиннул на голову. Худощавое лицо и острые скулы сразу бросались в глаза, но глаз не было видно. И уж точно он не выглядел brutальным, успешным и уверенным в себе мужчиной, с какими привыкла иметь дело Алёна как риелтор.

Дома в этой части посёлка стоили дорого. Алёна скользнула взглядом по его старым кроссовкам, по непонятным, побитым жизнью штанам и чуть поморщилась. Не похож он на «жирного» клиента. Ну да ладно, бывает, что и миллионеры одеваются как бомжи, лишь бы всем вокруг показать, что на статус и условности им плевать.

Поэтому, побыстрее вернув взгляд на полускрытое лицо мужчины, Алёна профессионально улыбнулась.

— Это я вам звонил, — мужчина протянул ей ладонь.

— Виктор? — спросила она.

— Он самый, — кивнул тот.

— Лицо мне ваше знакомо... Вы у меня участки не покупали раньше?

— Нет. Я впервые с вами работаю. Мне нужен дом.

— Отлично, меня зовут Алёна, я тот самый риелтор, что откликнулся на ваш звонок, — сказала она и пожала в ответ руку. Ладонь у него была сухая и, не смотря на жару, прохладная. В другой руке Виктор держал нелепый коричневый портфель. — Но как вы сюда попали? Я думала, калитка заперта, и...

— Не знаю. Я толкнул, дверь открылась, — пожал плечами клиент.

Алёна нахмурилась.

— Странно. Я точно помню, что запирала после прошлого показа, — пробормотала она. Потом сама себе нашла объяснение: — Может, кто-то через забор перелез и открыл изнутри. Ну да ладно, какая разница. Главное, чтобы ничего не украли.

— Если я куплю этот дом, — улыбнулся Виктор, — то, надеюсь, в нем все будет на месте...

— Да тут и нечего воровать, — поспешила добавить Алёна. — От старых хозяев остались вещи, только... мне кажется, вы не будете ими пользоваться. Обычно, когда люди заезжают в подобные дома, они по своему вкусу делают ремонт и ставят новую мебель.

— Вот сейчас и посмотрим, что там осталось. Показывайте.

Он даже галантно подал ей руку, когда Алёна поднималась по ступенькам.

— Спасибо, — улыбнулась женщина, вспорхнув на

крыльцо.

Она сменила ключ на связке и отперла входную дверь. На тяжёлой тёмной створке была прибита голова дракона, а из пасти у него свисало кольцо.

— Бр-р-р... — Алёна передёрнула плечами, на забывая при этом про легкую улыбку. — Всегда смотрю на этого дракона, и как-то он мне неприятен. Обещайте, Виктор: если всё сложится и вы купите этот дом, то оторвёте эту нелепую голову и замените на какого-нибудь приятного поросёночка.

— Обещаю, — ответил Виктор. — Что оторву голову.

Они вошли внутрь.

Из дома сразу пахнуло прохладой, застоявшейся пропиткой для дерева и ещё чем-то нежилым. Плотные задёрнутые шторы съели дневной свет, и просторный холл тонул в сером сумраке. Тёмный паркет, тяжёлая мебель, закрытые шкафы, чёрная лестница с покатыми перилами — всё было дорогое, добротное и при этом какое-то мрачное, будто этот дом построили не для жизни.

— Странно, почему здесь так темно? — пробормотала Алёна. — Я же шторы, вроде, открытыми оставляла.

— А мне нравится темнота, — сказал Виктор.

Он так и не снял солнцезащитные очки.

— А как вы вообще видите в этих очках, да еще и в помещении? — поинтересовалась Алёна.

— У меня очень чувствительные к свету глаза, Алёна. Но поверьте, я прекрасно все вижу. Вам ведь не мешает, если

так и оставлю?

— Да-да, конечно, — поспешно кивнула она. — Это я так, из любопытства спросила.

Алена тронулась вперед, стараясь снова взять ситуацию в руки, вернуть себе привычный риелторский тон, где все у нее под контролем, все продается и у каждого объекта есть выгодная сторона, особенно если правильно ее подсветить.

— Ну вот, проходите. Смотрите, здесь гостиная, камин действующий, тягу недавно проверяли. А вот здесь...

— Погодите, — остановил ее Виктор. — Подскажите, пожалуйста, почему цена такая — ну, скажем, вкусная?

Алена повела плечиком, будто вопрос был обыденный, но на самом деле ей нечасто задавали такие вопросы.

— Цена? Обычная цена, пожалуй.

— Ну нет, — возразил клиент. — Она ниже рынка. Я мониторил, смотрел, сколько здесь стоят дома. Этот объект не должен стоить меньше, сами видите, тут всё на уровне, заезжай да живи. Так что?

— Ну... Собственники так выставили, — сказала она уже чуть живее. — А мне, если честно, только проще. Я в любом случае получу от них свою комиссию.

Она огладила шишечку на затылке, хотя оттуда ни прыдочки выбиться не могло, и снова улыбнулась.

Клиент же медленно повернул голову, рассматривая комнату сквозь очки, и спросил:

— Да? А почему же тогда этот дом продается так долго?

Алена подумала мельком, что зря надела сегодня этот пиджак. Снаружи солнце палило, внутри стоял сумрак и прохлада, а пот все равно выступил между лопаток. Хотя вообще-то она догадывалась, что дело не в пиджаке.

— Ну, хорошая, стоящая недвижимость иногда продается годами. Это нормально, потому что и рынок на такие объекты сужен. Бывает, что и за неделю можно продать дом, а бывает, что и...

— И вы же сами сказали, — перебил ее Виктор. Теперь голос у него звучал уже не очень вежливо. — Вы же сами согласились со мной, что цена ниже рынка. В чем подвох?

Алена поджала губы. Она таких покупателей знала. Спокойные, тихие, без понтов и золотых часов, а начинают ковырять — и копают глубже других. Обычно с ними проще сразу говорить честно, но всё-таки не до конца. Чуть-чуть правды, чуть-чуть тумана. Ровно столько, чтобы не спугнуть, удержать и подсесть.

— Да как вам сказать...

— Лучше не врите мне, — глухо проговорил Виктор.

Алена пока что молчала, размышляя, насколько откровенной стоит быть в данной ситуации, а Виктор продолжил:

— Его никто не хочет покупать, потому что пять лет назад здесь произошло массовое убийство. Целую семью вырезали. Ведь так?

Алена застыла. Не от самих слов, она и не такое слышала от клиентов, а от того, как он это произнес. Без вопроса, без

интереса, а так ровно... холодно до жути.

— Кхм... Простите... Кто вам сказал? — спросила блондинка, и прозвучало это против её воли сбивчиво.

Виктор не ответил. Он вдруг наклонился у ковра, что лежал перед диваном, будто что-то хотел подобрать, хотя, понятное дело, ничего тут не падало, и резко отдернул его в сторону.

Старый паркет под ним был темнее, чем остальной пол. В древесину глубоко въелись бурые пятна, которые можно было бы принять за ржавчину. Но на дереве ржавчина не заводится, а бурые пятна были на деле кровавыми. Засохшие, расплзшиеся, они сидели в волокне намертво, и даже шлифовка не выбила бы их до конца. Одно пятно разошлось в стороны длинными лохматыми лучами и напоминало теперь осьминога. Другое легло рваным силуэтом, с распахнутой пастью и острым горбатым верхом, будто изображение пробуждающейся горгульи.

— И вот, я смотрю, даже кровь осталась, — сказал Виктор.

Алена ничего не ответила. Только машинально сжала планшетку с бумагами так, что хрустнул уголок пластика.

Она невольно вздрогнула, снова глянув на въевшиеся в паркет пятна. До этой секунды она ещё держалась за свой обычный деловой тон, за привычную скороговорку про ликвидность, квадратуру и удачное расположение, только теперь нутро подсказывало — всё это уже здесь не пригодится. Дом

и без того давил своей темнотой, а теперь ещё и этот странный клиент стоял над старыми следами крови так, будто пришёл не осматривать недвижимость для покупки, а что-то проверить.

— Простите, Виктор... — выдохнула она и крепче прижала к груди планшетку. — Давайте тогда начистоту. Раз уж вы всё знаете, не будем больше ходить вокруг да около. Да, дом продаётся по дешёвке, потому что здесь убили семью. Но маньяк, который это сделал, серийный убийца по прозвищу Маэстро, он в тюрьме. Насколько я знаю, его приговорили к пожизненному. Так что, если вы человек не суеверный и не думаете, что здесь будут обитать призраки, души убитых и всё такое... как деловому человеку я могу вам предложить ещё и персональную скидку. Поговорю с собственниками, поторгуюсь...

— Мне не нужна скидка, — оборвал её Виктор.

Сказал это негромко, но как-то так, что у неё холодом стянуло взмокшую спину. Она ещё не успела ничего понять, когда он снял капюшон, потом медленно, без спешки, стащил с лица очки.

Алёна увидела его глаза — и сразу всё поняла.

— Мне нужна ты, — так же глухо проговорил он.

— О боже... — прошептала риелторша, пятясь, ее глаза расширились от ужаса. — Это вы и есть...

Страх сжал блондинке грудь, связал ей ноги. Перед ней стоял не странный покупатель в дешёвых кроссовках и мя-

той одежде. Перед ней стоял тот самый человек с новостных роликов пятилетней давности, когда все каналы трубили о поимке страшного маньяка — Виктора Ордынцева по прозвищу Маэстро. Тот же тонкий рот, острые скулы, худое лицо — теперь Алена поняла, где же раньше его видела.

Это было ожившее зло. Прямо перед ней.

Она попятилась ещё на шаг, упёрлась бедром в край кресла и замерла.

Виктор же нагнулся к своему нелепому портфелю. С таким, кажется, и правда ходили ещё в советские времена. Щёлкнул замок. Он откинул клапан и достал нож.

Лезвие было узкое, серебристое, и такое тонкое и острое, что режущая кромка почти терялась для глаза. Лишь слабый отблеск света, пробившийся из-за шторы, скользнул по стали и заиграл на ней смертельным блеском.

— Раздевайся, — глухо произнес Виктор.

Пальцы маньяка, сжимавшие нож, подрагивали мелко и часто. Он весь подался вперёд, худые скулы заострились ещё сильнее, губы дрогнули, а в лице проступило что-то ненормальное, будто в него демон вселился и теперь дёргал за жилы. Виктор уже не выглядел тихим, странным горожанином в мешковатой футболке. Перед Алёной стоял сам дьявол.

— Нет... нет... Прошу, не трогайте меня, — пролепетала женщина, пятясь и выставив перед собой дрожащие руки, будто могла ими остановить убийцу, его смертоносный замах. — Я буду кричать...

Виктор медленно шагнул к ней.

Нож в его руке дрожал все сильнее, но это был не страх, а неистовое нетерпение гончей вцепиться дичи в горло. И в эту секунду Алёна всё-таки стряхнула с себя оцепенение.

— Помогите! — что есть силы крикнула она и бросилась бежать.

Только крик её утонул в тяжёлых портьерах, в плотном сумраке, в толстых стенах этого дома. Наружу не вышло ни звука. Алёна ударилась в дверь, забарабанила в неё ладонями, стала дёргать ручку, бить кулаками, царапать замок ногтями. Дверь не поддавалась.

Она резко обернулась.

Виктор стоял в нескольких шагах и ухмылялся. В пальцах у него поблёскивал ключ. Маленький, тёмный, с потертой головкой. Он успел запереть дверь незаметно, ещё тогда, когда она, дура, с улыбочкой рассказывала ему про скидку и квадратные метры.

Он подготовил это заранее, потому что знал этот дом. Знал слишком хорошо. Ведь пять лет назад он уже был здесь по делу — это он своими руками вырезал целую семью.

***

Я распахнул дверь кабинета и вошёл — слишком быстро, не постучав. Я был весь погружен в думки, всё ещё крутя в голове так и сяк записку Маэстро.

Генерал Абрамов не успел сдернуть со своих широких,

почти округлых колен молоденькую секретаршу, которую тискал с усердием, какое у женатых начальников почему-то всегда появляется именно в рабочее время.

Услышав хлопок двери, девчуля ойкнула, мигом вскочила, одёрнула юбочку, тыльной стороной ладошки провела по губам, пряча размазанную помаду, и, не поднимая глаз, юркнула из кабинета прочь. Я молча прикрыл за ней дверь и посмотрел на Абрамова.

— Ну что? — всплеснул тот руками. — Что ты на меня так смотришь, Мороз? Будто сам по бабам не ходил... Ты как мужик меня должен понимать.

— Сергей Сергеевич, чего ты оправдываешься? — поморщился я. — Я не про это думаю.

Достал из кармана сложенный листок, развернул и шлёпнул перед ним на стол.

— На-ка вот, смотри. Послание мне Маэстро оставил.

Генерал удивлённо крикнул и выдохнул с заметным облегчением. Видно, понял, что сейчас ему не придётся отбиваться от моих подколов по поводу служебной дисциплины и нравственного облика руководящего состава.

Он нацепил очки, взял записку, прочитал, потом ещё раз пробежал глазами, постучал пальцами по столешнице и поднял на меня взгляд.

— Я бы подумал, что бред сумасшедшего, но Ордынцев у нас очень умен... И что это может значить?

— А хрен его знает, — закусил я губу. — Но в том, что

он вышел на охоту, я уверен.

— Ну, что могу сказать, Илья... — выдохнул генерал, откидываясь на кресле и чуть покачиваясь в нём. — Работай. Я ж тебя не за старые заслуги взял. Я тебя взял, чтобы ты новые заслуги заработал, понимаешь.

— Слушай, Серёга... Сергей Сергеич, — сказал я. — Я тебе не буду напоминать, как я ушёл. Ты прекрасно знаешь, как вы меня тогда... слили. С этим полиграфом. С этой вашей реабилитацией.

Абрамов сразу поморщился.

— Ой, ну сам знаешь, Илья, такой порядок, — проговорил он, разводя руками. — У тебя был сложный период. Считай, срыв. И ты должен был пройти психолого-физиологическое обследование, полиграф, реабилитацию. Должен.

— Кому, на хрен, должен? Фигню не городи, будь человеком. Ты же знаешь меня. Знаешь, как я работал. И тогда вполне знал, что на меня можно положиться. Ан нет. Вы меня по результатам комиссии сняли, списали.

— Да никто тебя не списывал, ты же сам ушел, — быстро сказал Абрамов и вынул из ящика стола лист заключения, будто специально держал его наготове. — Вот. Тут написано: «Годеи к дальнейшей службе с ограничениями. Не рекомендован к исполнению обязанностей, связанных с повышенной нервно-психической нагрузкой и постоянным ношением оружия. Рекомендован к использованию на должностях организационно-аналитического профиля».

— Если бы я не свалил, вы бы меня поставили сторожить папки в архиве. Или фикус поливать в канцелярии.

— Ну не ёрничай, Илья, — выдохнул Абрамов. — Есть у нас должность, следователь-криминалист называется. Криминалистическое сопровождение дел — тоже очень важно. Экспертизы, анализ, что назначить, куда смотреть, как подкрепить доказуху. С людьми не работать, только со следователями, но...

Я усмехнулся и покачал головой.

— Где я — и где криминалистика.

Абрамов недоверчиво пожал плечами.

— Да ладно тебе. Ты сыщик от бога. Любого опера или эксперта за пояс заткнёшь. А уж криминалистика... у тебя в крови.

— Это совсем другое. У меня всё на интуиции, — сказал я. — А теорией я не занимаюсь. А теперь я вдруг годен стал. Без всякой медкомиссии.

— Ладно, закончили, — примирительно отмахнулся генерал. Потом прищурился и добавил: — И это... слушай, Илья Федорович. Ты теперь... ну... мой подчинённый снова. Так что, давай будешь стучаться, когда в кабинет заходишь. Ну люди же смотрят. И называй меня, пожалуйста, на «вы» и по имени-отчеству. Ну, хотя бы когда есть кто, при посторонних.

Я хмыкнул и улыбнулся:

— Так точно, товарищ генерал. Могу и без посторонних.

Чтобы уж привычка выработалась.

— Ну, раз можешь, то давай, — одобрительно закивал Абрамов.

И тут дверь снова распахнулась.

— Да что ж за проходной двор такой? Все без стука нороят, — только и успел прогреметь генерал в сторону вошедшего.

Я повернул голову и даже опешил. На пороге стоял Щупин. Точнее, что-то очень на него похожее. Весь его утренний лоск исчез к чёртовой матери. Рукав порван, колени грязные и торчат пузырями, ладони чёрные, лицо чумазое, будто он не из ямы выбрался, а всю дорогу до комитета полз по канаве. В общем, вид у него был такой, словно его только что изгнали из республики ШКИД, устроив перед этим темную, и зачем-то сразу направили на следственную работу.

— Это что ещё за бомж, мать честная? — даже не сразу признал его Абрамов. — Гражданин, вы что хотели? Вы куда вообще при... А! погоди. Щупин, ты что ли? Срамота ведомственная. Это тебя где так угораздило?

— Сергей Сергеевич, — выпалил Щупин, тяжело дыша и стараясь держаться прямо, хотя его ещё потряхивало, и, скорее, не от усталости, а от унижения и злости. — Извиняюсь, что без стука, но это срочно!

Он тут же ткнул в меня пальцем. Прямо как потерпевший на опознании.

— Майор Мороз оставил меня там. В яме. А сам уехал и

лестницу забрал.

— В какой еще, мать её, яме? — вытаращился шеф.

— В той, которую мы осматривали.

Абрамов крикнул, потом хмыкнул и даже ладонью рот прикрыл, борясь с собой из последних сил. Борьба, видно, шла тяжёлая, потому что он все же хрюкнул несколько раз сквозь пальцы. Но потом собрался с духом, проглотил смешок, утер рукавом слезы, строго свел на переносице щетки бровей и повернулся ко мне, грозя пальцем:

— А, нехорошо, нехорошо, Илья Фёдорович, так с напарниками обращаться. А ну... объяснитесь. Кхе-кхе.

— Сергей Сергеевич, — сказал я, невозмутимо покручиваясь на кресле, — в целях установления истины по делу я проводил следственный эксперимент.

— Какой ещё следственный эксперимент? — вскинул бровь генерал.

Серьезно так вскинул, будто сердит, и это ему даже почти удалось, но в последний момент все же с губ опять сорвался не то всхлип, а не то хрюк. Я не стал обращать на этот казус внимания и невозмутимо продолжал:

— Ну как же. Проверял, можно ли из этой ямы выбраться самостоятельно. Без подручных средств и без чужой помощи.

— Да? — моргал Абрамов. — Ну и как? Можно?

Я хмыкнул и махнул рукой в сторону измызганного Щупина.

— Так это у него спросить надо. Ну что молчишь, Валентин Матвеевич? Как ты вылез? Доложи, пожалуйста, начальству.

Щупин так стиснул зубы, что я на миг стал опасаться, как бы у него там что-нибудь не лопнуло. Потом всё-таки выдал:

— Как, как... Рыбаки мимо шли. Крик слышали. Вытащили, жерди скинули.

— Ну вот и ответ, — кивнул я. — Нельзя. Это очень ценная информация для расследования.

Абрамов выдохнул, покачал головой и тихо проговорил, пока Щупин, отойдя к стене, хлебал из кулера большими глотками и фыркал.

— Ох, Илья Фёдорович... Допрыгаешься ты. Ну придержи коней, хотя бы пока маньяка не поймал. Ведь первый день, а турнут тебя. И меня вместе с тобой... Этот же молодой, он же и наступать может.

— Горбатого могила, — пожал я плечами.

— Сергей Сергеевич, — снова подал обиженный голос Щупин, вдоволь напившись. — Я отказываюсь с ним работать.

— Цыц! — хлопнул пухлой ладонью по столу генерал. — Устроили мне тут шапито без купола. Здесь я решаю, кто с кем, как и когда. Ясно?

Прозвучало это двусмысленно, учитывая, что я только что застукал Абрамова с его секретаршей, и он наверняка ещё

не вполне остыл, так что теперь я еле сдерживал хрюканья под ладонью.

— Есть, — выдавил мой горе-напарник.

— Ну, это самое... — проворчал генерал. — Короче, иди-те с глаз моих долой. Идите, вон, работу работайте.

Мы встали и пошли на выход.

— А вас, Штирлиц, я попрошу остаться, — сказал вдруг Абрамов, хитро на меня поглядывая, будто у него в лысеющей башке сейчас что-то щёлкнуло. — Забери материалы дел. Из архива суда привезли все эпизоды по Маэстро.

— Чего? — опешил я и даже притормозил на полшага.

— Я говорю, задержись, Илья Федорович.

Щупин, злой как чёрт, вышел первым и так хлопнул дверью, что стекло в шкафу брякнуло.

— Нет, нет. Ты вот точно ту фразу повтори, которую сейчас сказал.

Он нахмурился.

— Какую ещё фразу?

— Про Штирлица.

— А вас, Штирлиц, я попрошу остаться, — повторил Абрамов уже медленнее и недоуменно на меня поглядывая. Потом даже полез рукой под папки, вытащил книгу и потрянул ею передо мной. — Это ж классика, ты что, Мороз. Вот, у меня даже книжка есть — нет, фразу эту в фильме прикрутили, но всё едино. «Семнадцать мгновений весны». А что... люблю старое.

Меня будто током дёрнуло.

— Точно, Серёжа, ты гений! — ткнул я его пальцем в грудь.

— Илья Федорович, — сразу вскинулся он, — мы договаривались по имени-отчеству.

— Да погоди ты.

Я снова вытащил записку и шлепнул её на стол.

— Смотри. Читай.

Абрамов нацепил очки, поднёс листок ближе к носу. Я сам ткнул пальцем в строчку.

— Вот. «Запоминается последняя фраза». Это последнее предложение в записке. Оно мне с самого начала показалось знакомым, только я никак не мог понять, откуда. А сейчас понял.

Генерал почесал макушку.

— Ну и откуда?

— Ну ты же книжку про Штирлица читаешь.

Он моргнул, потом даже хлопнул ладонью по столу.

— Ох, ё! Так там же эта фраза есть. Точно! В этой книге.

— Есть, наверное, — сказал я. — Наверняка не знаю. А вот фильме точно присутствует. Я книжки не успеваю читать, а фильм смотрел. И эта фраза — именно оттуда.

Абрамов тут же потянул к себе мышку, защёлкал, полез в интернет.

— Ну да, — пробормотал он через секунду. — Она же разлетелась на мемы. «Запоминается последняя фраза». Точно.

Это строчка из «Семнадцать мгновений весны». И из книги, и из фильма. Так... ну и что нам это даёт? Товарищ Исаев.

— Пока не знаю...

Я смотрел на записку и чувствовал, как внутри медленно начинает проворачиваться шестерёнка. Семнадцать мгновений весны. Семнадцать.

— Погоди, — сказал я. — А помнишь, как пять лет назад...

Я замолчал на секунду, сам уже понимая, куда ведёт эта нитка.

— Семнадцатого января было убийство. Маэстро тогда семью вырезал.

Абрамов поднял на меня глаза и даже присвистнул.

— Ну и память у тебя, Илья Федорович.

— Так, нужно поднять то дело, — сказал я. — И посмотреть его внимательно.

— Так вот же они все, — кивнул генерал.

Я только теперь заметил, что у стены, прямо на полу, составлены были коробки. Пухлые тома, сшитые дела, картонные папки с потёртыми корешками. Наследие Ордынцева.

— Вот, всё сюда и привезли, — проговорил Абрамов, уже сам глядя на эту макулатуру с опаской. — Запросили из суда обратно все тома и эпизоды по Ордынцеву. Всё, что шло по его преступлениям, забрали в связи с его розыском. Я вот потому тебя и остановил. Хотел, чтобы ты эту радость к себе в кабинет-то и забрал.

— У меня же нет кабинета.

— Ну, нет-нет... разберёмся. Будет тебе кабинет.

Я уже не слушал его. Присел у коробок, стал быстро перебирать тома. Дело было одно, просто за годы разрослось, распухло, пошло томами. Эпизоды подшивались, дела объединялись.

— Вот, — сказал я, вытащив нужный том. — Смотри.

Я положил его на стол Абрамову, раскрыл и стал листать.

— Ага. Вот. Протокол осмотра места происшествия. Фототаблица к протоколу осмотра места происшествия. Так, так.

Я ткнул пальцем в снимок.

— Глянь, Сергей Сергеевич. Ничего странным тебе не кажется?

Он натянул очки, подался вперёд, уставился в фотографию.

— А что странного? — пробормотал он. — Большой зал с камином. Гостиная. Несколько трупов. Всё как обычно... для его художества.

— Так вот же, — я снова ткнул пальцем. — На часики настенные посмотри. Те, что во время схватки упали, разбились и лежат. Видишь?

Абрамов прищурился, ещё ближе подвинул фототаблицу к себе. Сначала не врубился, потом вдруг вскинул брови.

— А... тут семнадцать. Стрелка застыла на семнадцати.

— Вот именно.

Я перелистнул ещё пару страниц, нашёл описание и постучал ногтем по строке.

— Семнадцатое число. И минутная стрелка остановилась на семнадцати минутах. Мы тогда и определили точное время нападения и время смерти жертв, потому что в ходе схватки часы были сбиты со стены, разбились, и на них зафиксировалось это время.

Абрамов сидел, глядя то в снимок, то на записку.

— И что нам это даёт?

— А ты записку ещё раз прочитай внимательно.

— Так, сейчас, — генерал снова насадил очки поглубже и стал читать, водя пальцем по строчкам.

— «Мороз, ты всегда спешил к финалу, а я люблю увертюры...»

— Да это можешь пропустить, — сказал я.

Абрамов кивнул и пошёл дальше.

— «Первая уже сыграна».

— Первая уже сыграна, — повторил я. — Значит, он кого-то уже пришёл. Понимаешь?

— Ну да... Так, читаю дальше, — пробормотал генерал.

— «Ты к ней опоздал. Ищи там, где в прошлый раз остановилось время».

— Вот. Вот тут и надо искать, — сказал я и снова ткнул пальцем в фото из дела. — В этом доме, видишь? Ищи там, где в прошлый раз остановилось время.

— «Ты сам это видел и просто не придал значения», —

продолжал генерал.

Дальше была точка. Абрамов шумно втянул воздух и дочитал:

— «Запоминается последняя фраза». Подпись: Маэстро.

Он поднял на меня глаза, потом снова опустил их в листок, силясь сложить в голове пазл.

— Чёрт... — выдохнул генерал и почесал лысину. — Ты гений просто, Мороз. Ты расшифровал его послание. Но что нам это даёт в конечном итоге?

— А то, — сказал я. — Что его первая жертва после побега, скорее всего, находится в этом чертовом доме. И возможно... она еще жива. Ведь не зря же он затеял с нами такие игры.

— Сука... — выдохнул Абрамов и тут же схватился за трубку телефонного аппарата. — Алло! Это Абрамов! Машину, водителя, быстро к крыльцу!

Он вскочил, чуть не опрокинув кресло, подхватил портфель и спешно направился к двери.

— Едем, Илюша, едем.

— Скворечник закрой, — сказал я.

— Чего? — обернулся генерал.

Я опустил взгляд ниже, на его ремень.

— А! — воскликнул Сергей Сергеевич и быстро застегнул ширинку.

Глава 5

— Да куда ты прешь? — ворчал генерал на своего водителя, когда служебная машина в очередной раз ухнула колесом в яму, и нас качнуло на сиденьях. — Глаза разуй!

— Сергей Сергеевич, — оправдывался водитель, вцепившись в руль, — вы же сами приказали быстрее.

— Тебе только трактор в колхозе по полям водить, — бурчал Абрамов, ёрзая на сиденье и придерживая портфель.

Я слушал его и понимал: волнуется Абрамов, вот и ворчит. Сто лет уже генерал не выезжал на места преступлений, отвык. То, что он вообще согласился ехать, было делом из разряда редких. И причина была не в служебном рвении. Ему просто хотелось, да что там, позарез было нужно лично убедиться, что я прав, что старый охотничий пёс ещё не потерял чуйку.

Что он не ошибся: я ещё могу взять след и вернуть покой и ему, и городу.

— Вот и нужный дом, — сказал я, когда машина свернула к самому краю коттеджного посёлка и остановилась.

Генерал, кряхтя, выбрался наружу, одёрнул пиджак на объёмистом животе и тревожно оглядел тёмный фасад, калитку и лес за домом. Потом повернулся ко мне.

— Оружие есть?

— Ты же мне так и не выдал табельное.

— Ай, точно... ну ладно...

— Но кое-что имеется... — я подмигнул, потянулся к заднему сиденью, взял сумку и вынул оттуда обрез.

Сунул его под рубаху, прижимая к боку. Абрамов только покачал головой и тяжело вздохнул:

— Ой, Мороз, ой, Мороз... Подведёшь ты меня под монастырь.

— Сам понимаешь, — сказал я. — Где орудовал маньяк, туда без оружия не ходят. А местные опера ещё не приехали.

— Ну пошли, — проворчал он. — Может, неправильно ты всё расшифровал, может, не так понял, так что ничего там и нет. Сам будешь потом перед операми оправдываться, чего мы тут шастаем и их вызвали. Если что...

— А ты вообще, Сергеич, сидел бы в кабинете, — сказал я. — Я бы и сам тут всё проверил.

Он посмотрел на дом, на чёрные окна и тихо проговорил:

— Нет, что-то на душе скребёт. Чует сердце. Если тут первая жертва, то... Ай, ладно, что разговаривать. Пошли.

Калитка оказалась заперта. Генерал дёрнул за ручку, попробовал ещё раз, потом развёл руками.

— И как теперь?

— Сейчас через забор перелезу, — сказал я и уже подтянулся, цепляясь пальцами за верхний край.

— Да я про то, что... тут жилое, и вообще это незаконное проникновение...

Я уже был на той стороне. Спрыгнул тихо, подошёл к ка-

литке изнутри и щёлкнул замком.

— Проходите, товарищ генерал.

Тот, раздувая щёки, неуверенно вошёл.

— Тихо слишком, — проговорил он. — Собаки нет, людей не слышно, музыки какой... Точно никто тут не живёт. Может, и Маэстро здесь тоже не появлялся.

Сергеич что-то удивительно много говорил — видно, всё больше волновался. Давно, видать, трупов не видел.

— Вперед, — сказал я.

Дверь в дом оказалась открыта настежь. После яркого солнечного света внутри стояла темнота, будто мы шагнули в склеп. И прохлада там была такая же — мёртвая. Сразу ударил в нос кисловатый металлический запах. Этот я ни с чем не спутаю. Так пахнет кровь. Много крови.

Говорят, кровь чувят только хищники. Человек не может. Только я этот запах всегда почему-то чувствовал.

И теперь я его будто бы не только почуял, а ещё и услышал.

Глаза привыкали к темноте медленно, но я не стал ждать. Подошёл к окну, рванул тяжёлую тёмную портьеру на себя, хотел отодвинуть, а она сорвалась с карниза и с грохотом рухнула вниз, открывая всё стекло. Яркий свет ворвался в дом и осветил то, что пряталось в сумраке.

— Твою же... ох, мать... — выдохнул генерал.

Даже для его бывалой психики это было слишком.

На старинном кресле сидела молодая женщина. Красивая

ещё, даже сейчас. Почти голая, в одном нижнем белье. Она была мертва. Всё тело покрывали мелкие порезы. Они уже не кровоточили, кое-где подсохшие струйки въелись в кожу тёмными дорожками. Лицо бледное, как из мрамора. Связана она была так, что не могла ни встать, ни даже дёрнуться. Во рту кляп, а поверх липкая лента.

— Эх, чёрт... Началось, началось, — простонал генерал и тут же схватился за телефон. — Алло, это Абрамов. Опергруппу сюда. Экспертов. Да! Криминалиста и судебного медика. Срочно. Улица Полевая, четырнадцать. Где там, мать вашу, опера? И кинолога захватите.

Я подошёл к трупу. В руках девушка держала свёрток из газеты. Бумага пропиталась её кровью, промокла насквозь, потемнела, кое-где присохла к пальцам, а она всё равно не выпустила его до самого конца. Сидела мёртвая, связанная, истерзанная, а этот комок бумаги всё ещё был у неё в руках, будто она вцепилась в него из последних сил, как в единственное, что ей оставили перед смертью.

— Что это там у неё в руках, Мороз? — проговорил генерал у меня за спиной, не решаясь подойти ближе.

— Сейчас посмотрим.

— Не трогай. Может, отпечатки или ещё что. Дождёмся экспертов.

— Не волнуйся, — сказал я. — Не в первый раз замужем.

Я аккуратно развернул газету. Бумага липла к пальцам. Внутри лежали старые настенные часы. Циферблат разбит,

стекло треснуло и в нескольких местах осыпалось, а минутная стрелка застыла на цифре «семнадцать». Бурые пятна, покрывавшие циферблат, въелись в трещины, легли по ободу, по цифрам и стрелкам. Та самая кровь пятилетней давности. Он нашёл эти часы, отказавшие как раз тогда, на его прошлом деле, в этом же доме и вложил ей в руки.

Я перевернул часы. Батарейки там не было. Вместо неё в отсеке торчал свёрнутый клочок бумаги. Я поддел его ногтем и вытащил.

Это была записка.

Развернул и прочитал:

«Ты опоздал, Мороз. Она истекла кровью. Умирала долго. Если бы ты сразу понял, куда спешить, ты бы мог её спасти. И я тебя ждал, но ты не пришёл. А игра будет продолжаться».

Это, конечно, было не всё. Я перевернул листок — другая сторона тоже была заполнена строчками от и до.

«Следующая жертва умрёт без всякой подсказки и без всякого предупреждения, потому что с часами ты проиграл. А потом я снова дам тебе подсказку, чтобы ты попытался спасти хоть третью. Когда конец игры? Ответ простой. Когда в живых останется только один из нас. Ты даже не представляешь, что я тебе приготовил.

Твой старый друг — Маэстро».

— Что там, что там? — подсказкивал генерал, силясь заглянуть. — Дай посмотреть. Что это?

— Не важно, — сказал я.

— Не важно? Да ты офигел? — сразу вскинулся шеф. — Это место происшествия вообще-то. Всё нужно к делу приобщить.

— Не всё. Только между нами, Сергей Сергеевич.

Я молча протянул ему записку. Он пробежал глазами текст, и лицо у него сначала вытянулось, потом ожесточилось.

— Представляешь, если это вылезет? — проговорил он уже тише. — Если СМИ раструбят, если куда-то это просочится. Представляешь, какая паника будет? У нас маньяк пообещал вырезать людей по очереди — играет с органами, как с дураками.

Он ещё раз глянул в листок, потом резко сложил его и вернул мне.

— Чёрт. Ладно. Ничего такого тут нет, делу не поможет всё равно. Возьми себе... Его логику и все эти выкрутасы в протокол вписывать не будем. Ты прав. Только криминалисту всё равно надо дать. Пусть на пальчики проверит.

— Да какие пальчики, Сергей Сергеевич? — сказал я. — Маэстро играет в открытую. Он и так максималку себе уже заработал. Терять ему нечего. Уверен, что он работает даже без перчаток, и эксперт здесь найдет и его пальчики, и ДНК.

Я подошёл к столу у стены. Там среди какой-то мелкой хозяйской дряни, пепельницы и перевёрнутой вазочки, лежали вскрытая ампула и шприц. Генерал тоже подошёл, глянул и нахмурился.

— А это что такое? Препарат какой-то... — пробормотал он, щурясь на непонятную надпись.

***

Прибывшая опергруппа работала вовсю. Эксперт-криминалист дактилоскопической кистью проводил по гладким поверхностям предметов обстановки, выискивал следы рук. Кинолог с собакой сперва прошёлся по каминному залу, потом пёс рванул на улицу, и тот кинулся за ним, почти бегом, чтобы не выпустить поводок.

Наш знаменитый судмедэксперт, Евгения Карпова, крутила в руках в голубых перчатках ту самую вскрытую ампулу.

— Это антикоагулянт, — сказала она. — У жертвы есть след инъекции на плече. Видимо, вот этим шприцом ей и ввели.

— Анти... что? — переспросил Абрамов.

— Препарат, понижающий свёртываемость крови, — пояснила Карпова. — Кровь после него из раны идёт дольше и останавливается хуже.

Абрамов глянул на труп, на порезы, потом снова на ампулу.

— На хрена его вкалывать, если она вся — вон, так и исписана порезами? Там и так места живого нет.

— Чтобы жертва истекла кровью наверняка, — ответила Карпова. — Может, у неё свёртываемость была повышенная. Может, он просто хотел исключить любой сбой.

— То есть он, получается, здесь не ждал? Не сидел?

— Нет. Скорее всего, нет, — сказала судмедэксперт. —

Иначе зачем ему вводить препарат?

— Вколол, ушёл и даже не заметал следы. Вот же сука, — пробормотал Абрамов, глядя на комнату. — Оставил всё как на витрине. Натё, мол, любуйтесь. Смотрите, как я издеваюсь над людьми, как убиваю. Так... Так-так...

Он посмотрел так, будто ему в голову пришла какая-то идея, и выдал:

— Главное, чтобы журналисты не пронюхали. Наша пресса пусть им говорит, что хочет. Что угодно, только не эту всю... мать её, правду.

Я посмотрел на часы, на записку, на вскрытую ампулу и сказал:

— Предлагаю вообще пока не присоединять этот эпизод к делу Маэстро.

— Как это? — удивился генерал.

— Возбудим как отдельное убийство. Пусть считает, что мы, вроде, как ничего не выяснили. Допустим, записку не нашли — спрятано было неплохо. Эти часы не осмыслили. Часы и часы, всё.

Абрамов повернул ко мне голову.

— Зачем это?

— Сергей Сергеевич, любой маньяк жаждет славы и успеха, — сказал я. — А если его дела начнут приписывать какому-то другому, неизвестному убийце, это по нему ударит.

Выбесит. И, может, он ошибётся. Хотя, — я поморщился, глядя на часы, на кресло и труп, — с другой стороны, Маэстро очень умён. Всё это, конечно, сомнительно — скорее всего, он не попадётся. Но давай пока сделаем вид, что подозреваемый по этому убийству у нас не Маэстро. Тем более что он...

Я осёкся. Перевёл взгляд на генерала, потом на судмедэкспертшу. Карпова поймала это движение сразу, поджала губы и проговорила спокойно:

— А-а, Илья Фёдорович... При мне можете говорить. Вы же знаете, что через меня прошли все жертвы Маэстро. И те, которых по кусочкам собирали, и те, которых всё же целыми нашли.

— Да, Женя, извини, — сказал я. — Забыл уже. Многое забыл.

— Илья Фёдорович... Если хорошо стараться, можно много чего забыть, — с грустью проговорила она.

В этом своем костюме и в перчатках, с собранными в хвост волосами она была по-своему прекрасна. Этакая царица смерти. Но добрая и улыбчивая. Правда, улыбка все больше грустная, и видно, что вовсе не от специфики работы.

Я кивнул и договорил при ней:

— В общем, он ведь готовит новый удар. Сказал, что нанесёт его без предупреждения.

— Да, страшно всё это, — тихо сказала Женя. — Началось. Как пять лет назад. Неужели как тогда... Но я верю в

тебя, Илья. Ты сможешь его остановить.

— Да блин, — фыркнул я. — Почему об этом все тут твердят? Мол, только Мороз сможет его остановить. Жил себе по-деревенски не тужил...

Женя внимательно смотрела на меня.

Абрамов уже отошёл в сторону. Топтался между столом и дверью, то хватался за телефон, то раздавал приказы.

— Тут пальцы смотри! — кричал он эксперту-криминалисту. — А это сфоткал? А ты чего встал? Иди соседей опрашивай. Я за тебя буду соседей обходить? Не топчись тут. Ты вообще кто такой? Какой ещё проверяющий? Пошёл отсюда, проверяющий... Ходят тут всякие...

Всё уже закрутилось в рабочем порядке. Дом загудел головами, торопливыми шагами, в общем, процессуальной следственной жизнью. А Женя наклонилась ко мне ближе и тихо проговорила:

— Знаешь, почему я в тебя верю? Потому что ты лучший, Илюша. Уж мне ли не знать.

Она улыбнулась, быстро, мимолетно, и на секунду прижалась ко мне щекой. Тут же отстранилась, пока никто не увидел. Только я почувствовал этот короткий, тёплый, живой жест сполна. Он будто отдался эхом и достал глубже, чем я бы хотел.

— Ну ты как вообще сам? — спросила она.

— Да нормально. Вот, видишь, на работу вышел. Завтра пистолет дадут — заживём.

— Ну если что, заходи. Адрес знаешь, — тихо проговорила Женька.

***

Ночной клуб мерцал лучами прожекторов, грохотала музыка, народ в пятничный вечер веселился так, будто с понедельника им всем запретят пить, веселиться и вообще дышать. У бара толпились наглые парнишки и уже разгорячившиеся девицы.

— «Голубую лагуну», пожалуйста, — сказала молоденькая девушка с короткой стрижкой, присаживаясь за барную стойку на высокий никелированный табурет.

С первого взгляда её можно было принять за симпатичного мальчишку. Джинсы и футболка унисекс, угловатая худоба, упрямый подбородок. Только всё это не могло спрятать её женственность, пусть и внутреннюю, глубоко закрытую. Она явно старалась выглядеть самостоятельной. Слишком самостоятельной. Почти по-мужски. Полина вообще всегда вела себя так, будто никому ничего не должна и сама кого хочешь пошлёт подальше.

Бармен, не торопясь, протирает бокал полотенцем и смотрел на неё безразлично. Он за свою карьеру уже видел много таких девочек — сердитых, взрослых на словах и малолетних по паспорту.

— Паспорт, пожалуйста, покажите.

— Что, гонишь, что ли? — сразу вскинулась Полина. — А

как бы я сюда прошла? Да ха-арош... мне есть восемнадцать.
Ну.

— Не похоже, — хмыкнул бармен. — Паспорт, пожалуйста.

И тут к стойке подошёл худой мужчина в капюшоне и тёмных очках. Вид у него был одновременно нелепый и странно уместный. В ночном клубе каждый рядился как хотел, и среди остальной разношёрстной публики он мог бы даже потеряться. Каких только фриков тут не было. Море алкоголя, танцы, кислотные треки, люди с пустыми глазами и слишком громким смехом. Этот просто был одним из них. На первый взгляд.

— Проблемы? — тихо спросил мужчина.

Полина покосилась на него.

— Тебе чего надо, дядя?

— Вижу, у тебя тоже сложный вечер, — сказал он всё так же тихо. — «Лагуны» или дайкири у меня нет, но пиво найдётся. Пошли.

— Куда?

— Да вон мой столик. Расслабься ты. Я же не маньяк какой.

— Тьфу, — фыркнула Полина. — Извини, бро..., но маньяк бы из тебя точно не получился.

— Это почему?

— Квелый ты какой-то, — сказала она, щурясь. — Ещё и в очках непонятных глазки прячешь. Это чтобы серьезнее

смотреться, да? Почему ты их не снимаешь? Здесь же темно. Сними, дай хоть позырить на тебя.

Она потянулась к очкам, но незнакомец быстро перехватил её руку и убрал.

— Не стоит. У меня глаза чувствительные к свету.

— Да где ты здесь свет нашёл? — фыркнула Полина.

— Свет в конце туннеля, — улыбнулся незнакомец. — Меня зовут Виктор.

— Ха. Витька-Титька, — проговорила девушка. — а меня Полина. Ну пошли. Хоть пивка хлебну, за неимением лучшего.

Они прошли через зал. Музыка долбила так, что стаканы на стойке мелко звенели. Из колонок орал какой-то новый клубный трек с непонятным то ли женским, то ли мужским вокалом, и под этот бит народ на танцполе месил воздух локтями. Полина едва не врезалась в полноватую девушку, которая в приступе танцевального экстаза вскинула руки и, кажется, пыталась изобразить бабочку с огромными крыльями.

— Осторожно! — шикнула Полина, отскакивая в сторону.

По мнению Полины, та была больше похожа не на бабочку, а на корову с крыльями из её любимого старого мультика про космическую путешественницу Алису, который она любила в детстве, давно-давно, смотреть с отцом. И именно это теперь раздражало.

Они сели за дальний столик. Туда почти не добивал свет, и от остального зала их будто отгородили темнота, дым ка-

льянов и общий грохот. Полина сразу хлебнула из бокала, скривилась:

— Фу, тёмное. Ненавижу.

— Я смотрю, ты барышня вредная. На тебя не угодишь, — сказал Виктор.

— Слушай, у меня был поганый день. Нет, не так — у меня была поганая неделя. Я тебе даже больше скажу, — Полина снова приложилась к бокалу и уставилась в стол. — У меня... у меня поганая жизнь. Так что давай не будем.

— Чем же тебе жизнь-то не угодила?

— Да пошли они все, — поморщилась Полина. — Ну, давай за знакомство. Дзинь.

Они чокнулись. Виктор почти не пил, только губы мочил, зато смотрел на девушку внимательно, не отрываясь. Полина, наоборот, осушила бокал быстро, и язык у неё развязался, как это с ней всегда бывало после нескольких глотков.

— Понимаешь, Витя, мы все разные. Вот эти у нас в универе, однокурсники, — дети, блин. Реально дети. Они ведутся на бабки, на шмот, на чужие тачки, на сторисы, на лайки, на весь этот успешный успех, будто у них вата какая-то в башке завелась вместо мозгов. Покажи какому-нибудь дебилу новый айфон, кроссы за ползарплаты его мамы и поездку в Дубай — всё, он уже думает, что жизнь удалась. Они даже влюбляются по прайсу, прикинь? Смотрят, у кого карта пожирнее, у кого часы блестят, у кого подписоты больше.

Виктор молчал. Полина решила, что это хороший знак, и

продолжала изливать душу.

— Я в интернате росла, мне там всё по-другому вбили. Там брат за брата, иначе не выжить. Там если ты один, тебя же просто съедят. А тут... — она махнула рукой в сторону танцпола, бара и всего этого неонового зоопарка. — А тут все такие гладкие, такие вежливые, такие пра-а-авильные с виду, а внутри... пустые. И преподавы наши... Как мне противно, мерзко на них смотреть. Сидят, рожи умные, жизни учат, а сами-то за баблишко зачёты ставят. А я на них всех смотрю и думаю: да пошли вы все.

Виктор умел слушать. Пригубливал из бокала, кивал, улыбался одним уголком рта. Сквозь тёмные очки глаз его не было видно, а всё равно Полине почему-то казалось, что он смотрит именно на неё, и не на лицо, а прямо вглубь души.

Он сидел тихо, не лез с советами, не умничал, не строил из себя спасателя. Просто слушал. И этим, как ни странно, располагал к себе сильнее, чем все мальчишки с универа, у которых на всё готово было острое словцо, но ни на что не было яиц.

Вдруг Полины затрезвонил телефон. Она скосила взгляд на экран и сразу скривилась.

— Чижова, блин, звонит. Опять что-то случилось, вот сто пудов.

Виктор едва заметно свёл брови.

— Подружка?

— Да подружка... Ну, как — подружка. Сегодня мы с ней,

считай, разбежались навсегда. Потому что она сказала, что я у неё парней увожу. А я что, виновата? Все её кобели ко мне липнут, а мне они на хрен не сдались.

Она ткнула в экран и ответила:

— Да, алло, Чиж, что хотела?.. Че? На какой ты, на фиг, вписке? А я при чём? В смысле — к тебе пристают? В смысле — «забери меня»? Я тебе что, вышибала и такси в одном флаконе? Ой, ладно, ладно, сейчас буду. Не бухай там. И трусы держи, слышишь? Я говорю, коленки сожми плотнее, а-афца.

Полина сбросила звонок и зло шлепнула телефон на стол. Экран ещё не погас, подсвечивая ей пальцы с облупленным маникюром.

— Опять проблемы? — тихо спросил Виктор.

— Да вечно она на свою жопу кобелей найдёт, — поморщилась Полина. — Не подруга, а собачья свадьба, блин.

Телефон дзынькнул ещё раз. Пришло сообщение. Полина открыла, всмотрелась, хмыкнула.

— Ага. Вот и точка, сбросила. Ладно, поеду по адресочку. Вытащу. Мне пора. Бывай, Витя.

— Хочешь, подвезу? — предложил вдруг собеседник. — Я на машине.

Полина прищурилась.

— Ага, щас-с. Думаешь, бокал пива подогнал — и теперь трахнуть можешь?

— Да нет, — спокойно ответил он. — Я же помочь. Я ви-

жу, что мы похожи.

— Алло, гараж! В каком месте мы похожи? — пощелкала пальцами Полина. — У тебя ни рожи, ни кожи, а я... И очки эти дурацкие. Да ладно, не обижайся.

— Поехали. Довезу, так быстрее будет, а то подруга заждалась.

— Хм... Лан. И если что, на вписку со мной зайдёшь.

Девушка допила из бокала остатки пива.

— Да без проблем.

— Но имей в виду, у меня батя мент. Если что, он тебя из-под земли достанет.

— У тебя есть отец? — спросил Виктор. — Ты же говорила, что в интернате...

— Ага, отец... холодец, — отмахнулась Полина.

Она резко встала, дёрнула Виктора за рукав и кивнула в сторону выхода.

— Ну пошли, Бэтмен, принцессу из башни вызволять.

***

Фонари тускло подсвечивали переулок, где укрылась огромная тёмная машина с ржавыми боками. Старенький пикап стоял в тени, обшарпанный, с потёртой мордой и треснутой фарой, будто с подбитым глазом.

— Это что, и есть твоя тачка? — воскликнула Полина, когда они подошли ближе.

— А тебе что-то не нравится? — спросил Виктор.

— Да не, что, прикольно так-то, — щёлкнула пузырём жвачки Полина. — Тебе ещё бензопилу в кузов и дробовик под сиденье, и будешь как этот... из америкосовских фильмов.

— Рейнджер? — поинтересовался Виктор.

— Хринеинджер, — фыркнула Полина. — Нет, конечно. Это... Маньяк-расчленитель. Ха.

— Скажем так, — слабо улыбнулся Виктор. — Я людей никогда не расчленяю.

— Ну, поехали. Чего встал? — скомандовала девушка.

Они сели, тронулись. Пикап загудел и уверенно пополз по переулку, как старый дворовый пёс, которому плевать, что о нём думают породистые.

— А ещё, прикинь, — рассказывала Полина про свою подругу, развернувшись к Виктору вполоборота, — на прошлой неделе заявляет мне такая: «Ты специально надела мою куртку, чтобы меня опозорить». Я ей говорю: «Овца, куртка-то моя, я тебе её сама на свиданку одалживала». А она: «Ну я же к ней привыкла, значит, она уже моя».

Виктор слушал, не перебивал, только иногда кидал на неё короткий взгляд из-за очков.

— Ты так о ней печёшься и так её ругаешь. Она тебе, наверное, очень дорога? — спросил он.

— Да пошла она, дорога, как же, — поморщилась Полина. — Нет никого, кто бы мне был дорог. Вот только ты... Да ладно, шучу, — тут же хохотнула девушка. — Хоть бы радио

включил. Тишина эта...

Она потыкала по кнопочкам на панели, и из динамиков сразу полез настороженный голос диктора:

— Осуждённого за многочисленные убийства и сбежавшего из-под стражи маньяка, серийного убийцу по прозвищу Маэстро, правоохранительные органы на текущий момент так и не нашли. Мы пытаемся связаться с представителями из пресс-служб МВД и Следственного комитета, однако от комментариев они воздерживаются. И мы хотим открыто в эфире призвать их к ответу. Когда вы найдёте этого человека? Люди боятся выходить на улицу...

— Херня какая-то, — бросила Полина.

Полина сразу напряглась и щёлкнула канал, переключая.

— И правильно я новости не читаю. Этот урод ещё сбежал. Ну сбежал, ну и ладно.

— Что он тебе такого сделал? — спросил Виктор.

— Слышь, что ты лезешь? Что тебе надо? Рули давай.

Он пожал плечом и дальше молчал. Ехать оставалось недолго. Пикап качнуло на выбоине, потом ещё раз, и Полина первая ткнула пальцем вперёд:

— А, всё. Приехали, кстати. Тормози.

Остановились они у старой, неприметной пятиэтажки. Из одного окна на третьем этаже лился свет, створки были распахнуты настежь, и оттуда бухали басы, лилась музыка, слышались крики и пьяный смех. Из квартиры наружу тянуло табачным дымом. В луче фонаря он вился и расплзался, как

болотный туман. Кто-то швырнул бутылку прямо из окошка, и та жалобно звякнула об асфальт, рассыпав под лавочку серебристые осколки.

— Вот козлы, — прошипела Полина. — Как соседи ещё терпят? Ментов не вызвали.

Она повернулась ко Виктору.

— Ну что, рейнджер, поможешь мне? Подругу спасти. Есть у тебя бензопила?

Глава 6

Виктор шёл следом за Полиной. Двигался тихо словно тень.

Вошли в подъезд. Вонь стояла привычная для старых пятиэтажек: сырость, кошачья моча и табак. Лампочка горела через раз. Поднялись на этаж, и чем выше шли, тем сильнее по подъезду била музыка.

Дверь на четвертом оказалась открыта. В проёме то и дело мелькали люди. Кто-то выскакивал на площадку в подъезд, кто-то снова вваливался внутрь. Навстречу им вылетела компания — парень и две девицы, все уже хорошенько датые, ржут, держатся друг за друга, чтобы не упасть.

— Слышь, курить будет? — крикнул парень, тормозя у ступенек. — Мы за куревом. У всех кончилось.

Из квартиры тянуло дешёвым алкоголем и сладковатым вейпом.

— Где Чижова? — грозно спросила Полина.

— Кто? — повёл бровью парень, а девицы тут же прыснули от смеха будто услышали неимоверно смешную шутку.

— Понятно, — фыркнула Полина. — Идём.

Она кивнула Виктору, и они вошли в квартиру. Сразу же у порога Полина чуть не навернулась, зацепившись носком кроссовка за кучу разбросанной обуви. Кеды, ботинки, боножки, чьи-то шлёпанцы. Разуваться она, конечно, не ста-

ла. Грязи на полу было столько, что хоть картошку сажай. Прямо у входа валялась смятая банка из-под энергетика и рваный пакет. На табуретке у стены стояла тарелка, приспособленная под пепельницу, в ней уже торчали бычки и какая-то серая каша из пепла и пива.

В квартире висел сизый дым и несло перегаром. Смех, гогот, музыка, чьи-то крики из комнат и кухни.

Старая переделанная из коммуналки квартира со множеством маленьких комнат, а народа в ней набилось, как сельдей в банку. В проходе Полина выловила за локоть какую-то девицу с размазанной помадой. На той была длинная мужская футболка, и, похоже, это было всё, что на ней было. Низ едва прикрывал ляжки.

— Слышь, — Полина встряхнула её. — Ты Чижа не видела?

Девица моргнула, глянула мимо неё и вяло сказала:

— Не-е, не знаю такую.

— Да что ж такое-то... — сквозь зубы процедила Полина.

— Может, её здесь нет, — предположил Виктор.

— Здесь она, — отрезала Полина. — Вот ещё комнатёнка какая-то.

Она толкнула дверь.

Та распахнулась резко, откинулась и бухнула о стену. В маленькой спальне на кровати извивались два голых тела.

— Твою мать... — выругался парень и дёрнулся, прикрываясь.

Девушка из-под него тоже вскинулась. Блондинка. Губы пухлые, лицо глупое. Она торопливо натянула на грудь простыню.

— Чижова, ах, ты потаскушка... — выдохнула Полина: — А ну вставай. Пошли домой.

— Да я это... уже передумала, — пробормотала та. — Мы тут с Максиком... — она кивнула на бугая, который уже натягивал трусы, — нашли общий язык.

— Слышите, вы валите отсюда на хрен, — рявкнул парень. — Не видите, тут занято?

— Это моя подруга, — сказала Полина.

— И что? Сегодня на ночь она моя подруга, — улыбнулся бугай.

Чижова дёрнулась, села на кровати и вдруг зло вскинулась:

— В смысле «сегодня ночью»? Я тебе что, вещь, что ли?

Полина тут же подхватила:

— Натягивай шмотки, и пошли отсюда.

Чижова всхлипнула, уже запоздало понимая, во что влезла:

— Я думала, у нас серьёзно...

— Серьёзно. — ухмыльнулся бугай. — Мы просто телами подружим.

— Да пошёл ты, козёл, — выдохнула Чижова и стала одеваться.

— Погоди. Мы ещё не закончили.

Он схватил её одной рукой и швырнул обратно на кровать. Девушка охнула и вжалась в спинку.

— Эй, грабли убрал от неё! — выкрикнула Полина.

Она уже вся подобралась, готовилась к рывку, как маленький бультерьер перед схваткой. Только бугай отодвинул её в сторону одной рукой, даже не глядя.

— А то что? — сказал он.

— А то... — Полина ткнула подбородком в Виктора. — Вот он тебя манерам научит.

Бугай глянул на худого мужика в капюшоне, прищурился и заржал.

— Ха. Этот хмырь? Слышь ты, лошара, очкиними. А то если врежу, осколки тебе шары повредят.

Виктор молчал. По сравнению с бугаём он и правда казался подростком. Худой, тихий, в этой своей мешковатой толстовке и очках. Он стоял спокойно, пока только наблюдая со стороны.

— Ну что ты стоишь? — зашипела Полина. — Сделай что-нибудь.

— А где у вас чайник? — неожиданно спросил Виктор.

— Чего? — не поняла Полина.

— Я говорю, кухня где?

Чижова, сидя на кровати и с надеждой глядя на него, быстро ответила.

— Кухня там. По коридору налево. Я могу показать, проводить, — тут же выпалила она и дёрнулась было с кровати,

воспользовавшись случаем и предлогом чтобы улизнуть из комнаты.

Но бугай поймал её за руку и снова швырнул назад.

— А ты задержись, красавица.

— Пусти! Пусти, Максим! — закричала та и стала отбиваться.

Полина сорвалась с места и напрыгнула на него сзади, вцепилась в спину, как блоха в матерого пса.

— Отпусти её!

— Ай, больно! — рявкнул бугай.

Полина успела его царапнуть, и тот, скривившись, сдёрнул её с себя за загривок. Только Виктор этого уже не видел. Он ушёл на кухню.

Когда он вернулся, плачущие девчонки сидели у стены и затравленно смотрели на бугая. А тот глумливо потирал подбородок.

— Ну что, курицы, ну куда вы лезете? — оскалился он и ткнул пальцем в Чижову.

— Так, ты можешь быть свободна. А вот эта маленькая, — перевёл он взгляд на Полину, — горячая штучка. Сменишь подругу, раз так хочешь её спасти.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату вошёл Виктор с кружкой в руке.

Бугай хмыкнул, глядя на него.

— О, ты чё пришёл? Забирай вот эту белобрысую. Поменяемся. Свингер-пати.

Виктор молча плеснул ему в лицо из кружки.

Кипяток ошпарил щёку, лоб, глаза.

— А-а! Мои глаза! Глаза! — заорал бугай, хватаясь за лицо. — Сука! Ты мне глаза выжег!

— Уходите, — сказал Виктор и распахнул дверь.

Девчонок будто ветром сдуло. Бугай метался по комнате и орал, а Виктор уже вышел наружу и спокойно прикрыл за собой дверь. В коридоре всё так же гремела музыка, кто-то толкался, ржал, проходил мимо. Из соседней комнаты высунулась чья-то пьяная рожа.

— Где Максик? — спросила рожа.

Чижова, не сбавляя шага, перекрикивая музыку, бросила:

— Спит. Просил не беспокоить. Сказал убьёт, если разбудите!

Они выскочили на улицу и почти бегом добрались до пикапа.

Полина нырнула на переднее сиденье, Чижова плюхнулась назад и сразу заговорила, ещё не отдышавшись:

— Ну ни фига. Как ты его! Слушай, а ты ему реально глаза, что ли, выжег?

— Да не, — сказал Виктор, заводя машину. — Он больше ныл. Но, конечно, в больничку ему походить придётся.

— Главное, чтобы заяву не накатал, — пробормотала Полина, всё ещё злая и взведённая.

— Да на кого он накатает? — отмахнулась Чижова. — Он же его не знает, твоего бойфренда. А мы не сдадим.

— Это не мой бойфренд, — сразу отрезала Полина. — Так, давай расставим точки. Этот человек просто вызвался помочь тебя вытащить.

— Угу, человек, — многозначительно хихикнула Чижова. Виктор вывел пикап со двора, и машина покатила в ночь.

— А давайте продолжим наш сегодняшний вечер, — вдруг предложила Чижова пританцовывая сидя. — Погнали в караоке! Ну!

— Слушай, Чиж, какой, на фиг, тебе караоке? — повернулась к ней Полина.

— Ну пожалуйста, пожалуйста. Я ещё не нагулялась. Я только кураж поймала. И потом, ты мне вообще-то кекс обломала.

— Чего? Да я тебя спасла.

— Ну, вначале обломала, а потом спасла.

— Ах ты, сучка неблагодарная, — вскинулась Полина.

— Сама такая.

Полина фыркнула.

— Куда вас? — спросил Виктор, не сводя глаз с дороги.

— Так. Вези нас домой. — отрезала Полина. — В общагу. Студенческую. Возле универа, знаешь, старый корпус.

Виктор ничего не ответил, только повернул в нужном направлении. Вскоре машина остановилась у общежития. Девушки выбрались наружу. Виктор тоже вышел, обошёл машину и встал рядом, провожая девушек.

— Ладно, покеда, — сказала Полина. — Если что, уви-

димся. Хотя, думаю, и не стоит. Прикольная была ночь.

Она уже потащила Чижову к крыльцу, только та вдруг затормозила, выдернула локоть и хохотнула:

— Сейчас. Я же не отблагодарила своего спасителя.

Вернулась к Виктору, пьяно улыбаясь.

— Чмоки-чмоки, — сказала она.

Виктор не шевелился. Чижова придвинулась ближе, встала почти вплотную и наклонилась к его уху. Стала что-то быстро шептать, горячо, торопливо.

— Ну ты что там, Чиж? — крикнула от крыльца Полина.

— Пошли давай. Долго ты там прощаться будешь?

— Иду, иду, — откликнулась Чижова, но от Виктора не отлипла. Ещё что-то договорила, потом чуть отстранилась. Тот еле заметно кивнул, соглашаясь.

— Всё, — сказала она уже Полине и, отлипнув наконец от Виктора, помахала ему рукой. Потом танцующей походкой поплыла к крыльцу, обернулась и засмеялась: — Мы, как старые пенсионерки, сейчас спать пойдём. В такой вечер, в такую чудесную ночь. Эх, молодость мимо просто проходит. Негде туфельку обронить.

— Иди давай, Золушка с туфелькой, — шикнула Полина и затолкала её в общежитие.

Виктор сел обратно в машину и стал ждать. Спустя полчаса кто-то осторожно постучался в стекло.

Виктор разблокировал и распахнул пассажирскую дверь, на переднее сиденье юркнула Чижова.

Улыбаясь, она быстро захлопнула дверь и зашептала:

— Ну всё, эта мать Тереза уснула. Блин, еле дождалась.

Ну что, в какой кабак попрём? Или, может, в клубешник, где танцпол побольше? Я тут знаю один. Новый открылся.

— Мы поедem в особое место, — улыбнулся Виктор.

Чижова глянула на него с интересом.

— Да? Я его знаю?

— Нет, — ответил он. — Это вряд ли.

Виктор завёл машину, включил передачу, и пикап растворился в ночи.

***

— Ой, а куда мы едем? — сквасила губки Чижова, глядя в окно автомобиля. Чуть подумала и потом оживилась: — А, я поняла. Там за городом крутая база отдыха открылась. С бассейном. Да? Ой, а у меня купальника нет. Или ты купишь весь бассейн, и там не будет посторонних?

Виктор молчал, вёл машину ровно, не оглядываясь на собеседницу. Сейчас он был совсем другой.

— Ну что ты молчишь? — не унималась блондинка. — Мы же там одни будем?

— Одни, — ответил он спокойно.

— А долго ехать? Ой, я такая пьяная... Блин, надо срочно выпить чего-нибудь холодненького. У тебя есть что-нибудь запить? Голова трещит.

Чижова полезла в сумочку, вытасила блистер с обезбо-

ливающим. Потом потянулась к бардачку. Открыла — и замерла. Внутри лежал холщовый мешок и верёвка.

— Это что у тебя? — спросила она с удивлением. — А почему от мешка так воняет? Фу... что это? Похоже на старую... кровь. А-а... Мерзость.

— Положи на место, — пробурчал Виктор.

И только теперь Чицова внимательно осмотрелась. Глянула на потёртые сиденья, на треснувший пластик панели, на старую колымагу, которая сперва показалась просто странной. И на самого Виктора. Не рыцарь. Не герой-спаситель. Не ночной принц в чёрной спортивной тачке. Какой-то мутный тип в потасканной одежонке. И очки у него были не эпические, как поначалу показалось в полумраке хрущевки, и вовсе не стильные, а обычные, дешманские — мэйд ин чайна. Ну или Кыргызстан.

— Слушай... — протянула девушка уже совсем другим голосом. — А у тебя деньги-то хоть есть оплатить наш отдых?

— Всё забронировано, — сказал тот.

Но когда машина свернула в лес, Чицова по-настоящему напряглась. Тьма между деревьями пошла сплошной стеной, дорога сузилась, фары выхватывали только пыль, края обочины и чёрные стволы.

— А разве тут база новая? — быстро заговорила она. — По-моему, мы заблудились. Давай лучше вернёмся. И вообще, может, лучше в караоке? И тебе дешевле будет.

— Заткнись, — проговорил он.

— Увези меня обратно. Я не хочу тусить. Башка трещит. Увези меня к Полинке. Слышишь?

Она вцепилась в сумочку, выдернула телефон и стала судорожно набирать номер. Виктор вырвал у неё смартфон и с ходу ударил им о приборную панель. Телефон треснул. Чиждова взвизгнула. Он тут же схватил её за волосы и так же, как телефон, ударил головой о панель. Хрустнул нос, брызнула кровь.

— А-а! — закричала девушка.

— Сиди спокойно, — невозмутимо проговорил Виктор.

— И умрёшь без боли.

— Прошу, прошу, отпусти меня... Кто ты такой вообще?! У Полинки отец мент, он найдёт тебя! Полинка будет искать, она будет беспокоиться, что я пропала...

— Ты сама сказала, что тайно ушла и не сообщила ей, где ты, — ответил он.

— Я соврала! Я... я сказала! Я просто обманула тебя!

Чиждова уже захлёбывалась слезами и кровью из разбитого носа. Но Виктор только слабо хмыкнул и продолжал вести машину через лес. Её мотало по сиденью на каждой кочке. Потом пикап резко остановился у берега реки.

— Вылазь, — сказал Маэстро.

— Нет. Я не сделаю ни шага!

Виктор молча вышел из машины, обошёл её, распахнул дверь и вытащил девушку наружу. Она вцепилась в сиденье,

но он дёрнул её за руку, потом за волосы и потащил к воде. В другой руке у него был мешок и верёвка.

— Помогите! Помогите, кто-нибудь! — кричала Чицова. Крик раскатился над гладью реки и тут же утонул во тьме. — Я же сказал не орать, — прохрипел Маэстро.

Он поднял с земли палку и ударил по затылку. Не убил. Он знал, как бить так, чтобы жертва оставалась жива. У него на Чицову были свои планы. Смерть должна была быть особенной.

Чицова сразу затихла, обмякла, только ноги ещё цеплялись носками за землю. А Виктор уже тащил её за волосы к чёрной кромке воды.

***

Утром я проснулся от щебетания птиц. На миг даже показалось, что я снова дома, в деревне, у себя, где за окном озеро, чистый воздух и Манька сопит где-то у сарая. Только это были не птицы. Будильник в смартфоне. Женском смартфоне, который лежал рядом на тумбочке и дрожал, подпрыгивая.

Я нащупал рядом смятую постель, потрогал в полумраке простыню, подушку. Рядом тепло, но пусто.

Шторы были плотно задёрнуты, отчего казалось, что еще ночь.

Я сел на кровати и потёр виски. После вчерашнего минералочки бы. Или чего покрепче, если уж совсем честно.

Встал, натянул трусы, джинсы, футболку и пошлёпал к выходу из спальни. Из ванной доносился шум воды. Я остановился у двери, занёс руку, хотел постучать, но кулак так и завис в воздухе. Костяшки не коснулись филёнки.

Постоял секунду, затем молча обулся и вышел.

***

Из ванной вышла Евгения Карпова. Красивая судмедэкспертша, замотанная в полотенце, с мокрыми волосами, которые липли к шее и плечам. Босыми ногами на цыпочках прошла по коридору, на ходу вытирая ладонью лоб.

— Вставай, лежебока! — крикнула она в спальню. — Тебе яичницу сделать? С жидкими глазками, как раньше?

Евгения вошла и сразу увидела пустую постель.

Улыбка с её лица сошла. Она тихо вздохнула, постояла, потом села на самый край кровати, сиротливо поджав под себя босую ногу. Постель ещё хранила тепло, и от этого почему-то стало только хуже.

Она открыла тумбочку. Среди вороха бумаг лежала старая фотография. Евгения достала её и замерла.

На снимке был общий праздник, День следствия. Лето, река, мангал, сотрудники в гражданке. А на переднем плане дурачатся двое. Красивый статный мужчина крутит на руках хрупкую девушку, и именно этот момент кто-то успел запечатлеть на старый «Зенит». Мужчина — Илья Мороз. А беззаботно смеющаяся девушка, — сама Евгения.

Глава 7

Закончив утреннюю планёрку, генерал Абрамов откинулся в кресле и устало выдохнул.

— Всё, работайте, товарищи. И помним, что перспективу дел, направленных в суд, нужно кровью из носа по полугодию выполнить.

Сотрудники потянулись на выход. Я же остался сидеть. Щупин, уже чистенький, холеный, в аккуратном костюме, только с царапиной на щеке, которая напоминала о его недавнем приключении в лесу, тоже, вроде бы, встал и вслед за коллегами направился к двери, но у порога замер. Раскрыл рот, будто хотел что-то сказать Абрамову, потом перевёл взгляд на меня, понял, что я выходить не собираюсь, выдохнул и проговорил:

— Попозже зайду, Сергей Сергеевич. Можно?

Тот ничего не ответил, только устало моргнул на подчинённого. Утро ещё толком не развернулось, а нашего шефа уже выжали досуха. Оно и понятно.

— Маньяка мы так и не нашли, — сказал генерал, с особой обречённостью раз за разом потирая ладонью щёку, когда дверь уже закрылась. — А мне звонят. Из Главка, из администрации губернатора, из Москвы. Спрашивают, какие мероприятия мы запланировали, что сделано для поимки Ордынцева. Какие возможные места его нахождения от-

работаны. А что я им скажу? А?

Я молчал. Ждал, пока шеф выпустит пар и, наконец, дойдет до сути.

— Это они ещё не знают, что он только что риелторшу...

— Абрамов осёкся, глянул на дверь и договорил уже тише.

— Что Маэстро ее грохнул. Мы же пока отдельным делом возбудили. А представляешь, что поднимется? Паника пойдет по области. СМИ раздуют — мама не горюй. Давай, Мороз, что-нибудь делай.

— Делаю я, Сергеич, делаю, — проговорил я задумчиво.

— Нужно лёжку его найти. Где-то же ховается. Днюет-ночулет хищник.

— Ну так месту последнего убийства искать надо.

— Тот коттеджный посёлочек мы, конечно, прошерстили.

Местные опера, участковых я напряг. Ну и... привлекли кое-каких кабинетных работников. Только это, естественно, ни одной запятушки нам не дало. Нет его там. Да и появился он там именно потому, что это старое место преступления.

— Ну может, родственники у него какие-то... Круг отработать.

— Да какие родственники, Сергеич? Я же ещё пять лет назад всё это отработывал. Нет у него никаких родственников. Сейчас-то откуда появятся? Одиночка, как будто с луны свалился. Ни родины, ни флага.

— Да... непонятное, — почесал лысину генерал. — И что прикажешь делать, Мороз? Ждать, пока он снова убьёт?

Я чуть повёл плечом. Начальство не любит, когда вслух произносят то, что оно и само боится подумать.

— Не хочу тебя расстраивать, Сергеич, — всё-таки сказал я вслух, потому что молчать тоже было бессмысленно, — но моя чуйка подсказывает, что он уже... кого-то убил.

— Тьфу ты, типун тебе на язык, — постучал по столу костяшками генерал. — Не мели ерунды, Илья Фёдорович. Будем исходить из того, что нет трупа, значит, и убийства нет, понимаешь? Так и будем держаться.

— Подозреваю, трупы будут, — твёрдо сказал я.

— Замолчи. Замолчи, я тебе говорю, — тряс пальцем шеф, потом шумно выдохнул, снова потёр щёку и уже тише добавил: — Вот скоро к нам пополнение приедет, может, тогда хоть дело сдвинется.

Я насторожился.

— Какое ещё пополнение? Мало мне твоего недомерка, Щупина, так ты мне ещё кого-то из молодёжи хочешь выпытать?

— Не из молодёжи... Да и не я, — пробурчал генерал и нервно затеребил пальцами рубашку на груди. — Из Москвы пришлют, и не хухры — специалиста высшего класса.

— Прямо высшего... Ну так, а нахрена тогда тебе я? Зачем ты меня звал?

Он тут же оживился, даже злорадство в глазах мелькнуло.

— Что, бесишься, Федорыч?

— Да ну тебя, брось.

— А я вижу, что насторожился, — не унимался Абрамов.
— Да расслабь булки, майор. Это специалист другого уровня и другой квалификации. Профиль не тот, что у тебя.

— В каком это смысле? — не понял я.

Абрамов важно подался вперёд, будто сейчас не человека мне представит, а секретное оружие.

— Доктор наук из ВНИИ МВД, — с особой интонацией, смакуя каждое слово, произнёс он. — Специалист в области криминалистической психологии. Судя по регалиям, матёрый учёный. Человечище. В психотипах преступников разбирается, как мы с тобой в пиве.

Я фыркнул.

— Ха. Погоди... Психолог, что ли? Душевед? На фиг он нужен? Не верю я психологам. Они же сами немного... куку, — я повертел пальцем у виска. — Причем все поголовно. Как вид.

Генерал крикнул и вдруг, к моему удивлению, не полез в спор, а как-то со смущением проговорил:

— Ну нет, не скажи. Они полезная штука. Вот я, например... вот мой психолог... я...

Я даже голову наклонил.

— В смысле, твой психолог? Сергей Сергеич, ты что, к психологу повадился?

— Ну... у нас с супругой были определённые недопонимания...

— Ты серьёзно? Мозгоправу душу изливаешь?

— Короче, что я перед тобой оправдываюсь, а? — взбрыкнул генерал и снова напустил на себя начальственный вид. — Я тебе сказал, придет в помощь бывалый ученый... э-э... доктор психологических наук. Работник со стажем. Ну и всё.

Я усмехнулся. Перед глазами уже встал очередной белохалатный умник из кабинета, который преступников только в телевизоре видел, ну, максимум — в учебниках.

— Как фамилия-то хоть его? Они же, вроде, и в погонах, а всё равно что офисный планктон. Преступников по картинкам изучают. Из материалов дел.

— Этот, говорят, серьёзный человек, — упрямо повторил генерал. — И фамилия у него — помню, что... серьёзная такая. Так... где-то у меня записано было...

Он полез в бумаги, поворошил их пухлой рукой, нашёл нужный листок и прищурился.

— Ага... Волк С. С...

— А зовут как?

Абрамов ещё раз глянул в бумагу и пожал плечами.

— Да тут инициалы только. Зато какая фамилия. Кхе... Мороз и Волк будут ловить серийного убийцу. Звучит?

— Вообще без разницы... Ладно, пусть приезжает, — сказал я. — Только под ногами у меня не путается. Пускай свои психотипы где-нибудь в отдельном кабинете исследует, я этому Фрейду мешать не буду. Стопудово его направили, чтобы он потом очередную монографию научную накатал.

Реальной помощи от таких обычно — пшик. у них другая задача, материал на диссертацию собрать.

— Ну, не тебе рассуждать, кто как будет делать, — опять вскинулся генерал. — Это вообще-то указание оттуда.

Он потыкал пальцем в потолок.

— Так что всё. Иди давай, работай. Мне ещё в Москву отзвониться надо, доложить по Маэстро. Ну, сегодня я, допустим, скажу, что мы коттеджный посёлок обследовали. А завтра что? Что прикажешь докладывать?

— А завтра пусть твой психолог тебя и выручает.

Я вышел из кабинета. В приёмной тёрся Щупин. Увидев меня, сразу подскочил, пригладил лацкан и заговорил как-то уж слишком доброжелательно.

— Илья Фёдорович... Мы не с того начали нашу совместную деятельность... неудачно. У меня к вам такое предложение. Давайте будем... Начнём, можно сказать, сначала.

Я даже не сбавил шаг.

Бумс — дверь хлопнула, и я вышел.

***

Щупин постоял секунду, пожал плечами, развёл руками и развернулся обратно к двери генерала. Поскучал, выдохнул, потом всё-таки открыл.

— Разрешите?

— Ну нет, ты посмотри, — проворчал Абрамов. — Один за одним ко мне прут, как в Кремль. Работать не дают.

Он сидел за столом и торопливо сворачивал на мониторе браузер. В поисковой строке которого было вбито: «психолог по семейным отношениям сколько стоит», причём вместе с названием города, но Валентин этого не увидел.

— Ладно, заходи, — буркнул генерал.

Щупин прикрыл за собой дверь и таинственно встал напротив стола. Видно было, что мысль у него сидит в голове давно, только сам он до последнего боялся её произносить вслух.

— Я хотел бы поделиться с вами некоторыми догадками, — сказал он. — Но прошу, чтобы это оставалось между нами.

Абрамов устало поднял на него глаза.

— Валентин, ты в своём уме? Мы ж в погонах. Конечно, между нами. Говори давай. Всё, что касается дела, даже если с бреда начинается, вываливай. Что у тебя? Установил подозреваемого? Так? Мороз об этом знает?

— Нет. Мороз не знает. И подозреваемых у меня... нет. Вот как раз Мороза я и подозреваю, — выпалил Щупин.

— Чего-о?!

— Сергей Сергеевич, вот смотрите. У Маэстро на свободе есть сообщник. Кто-то ведь выкопал яму. Кто-то всё подготовил и навел его туда, в лесу. И я так думаю, что его сообщник — именно Мороз.

— Чё ты несёшь?! — воскликнул Абрамов. — Ты вчера в этой яме того... пересидел?

Абрамов покрутил пальцем у виска, потом грохнул кулаком по столу.

— Так! Иди с глаз давай. Не носи ерунды.

Но Щупин, вздёрнув плечи под криками, так и остался стоять.

— Да послушайте, товарищ генерал, — заговорил он быстрее. — Прошу вас. Надо смотреть, кому выгодно, чтобы Маэстро вышел на свободу. Чтобы сбежал.

— А я почём знаю? — развёл руками генерал.

— Да никому, — сказал Щупин. — Я анализировал. Вообще никому. Он одиночка. Был одиночка и остаётся одиночкой. Нет у него никого. Мы журнал посещений на зоне проверили. Ни с кем он не контактировал из посетителей. Ни с кем, кто вызывал бы подозрения. А вот Морозу... это выгодно.

Абрамов медленно поднял голову.

— Валентин, не беси меня. Говори уже, с чего ты это взял. А то, видать, мышление у меня скудное. До таких погон дослужился, а выпускников Академии понимать перестал. Закостенел, получается.

Щупин тяжело вздохнул и продолжил.

— Ну, после того, что произошло с Морозом... Кто он раньше был? Следователь по особо важным. Легенда. Имя. Фигура. А кем стал? Ушёл в глушь. В забвение. Спивался там, я не знаю... Говорят, вообще коз доил.

— Каких коз? Да ну нахрен, — мотнул головой генерал.

— Брехня это всё. Хотя... ладно, не важно. Продолжай.

— А теперь он вернулся, — не сбился Щупин. — И не просто вернулся. Сразу стал главным в специальной следственно-оперативной группе. В которую вошли лучшие следователи...

На слове «лучшие» старший лейтенант едва заметно расправил грудь.

— ...лучшие оперативники города, эксперт-криминалист, судмедэксперт и прочие. И он снова в центре внимания. А когда это случилось? Вот! Это же вам любой психолог скажет: потребность во внимании, потребность в реализации, потребность в компенсации. Когда человек оказывается никому не нужен как специалист, он подвергается разрушению и деградации. А потом видит один путь вернуться — взять и выпустить Минотавра. Потому что, когда Минотавра нет, Тесей никому не нужен. Понимаете?

Абрамов смотрел на него несколько секунд молча. Потом тяжело моргнул.

— Какой ещё, к чёрту, Тесей? Из какого отдела?

Щупин растерялся на миг, но тут же поправился:

— Да это фигурально выражаясь.

— А-а... — протянул генерал. — Фигурально.

Он медленно откинулся на спинку кресла, сцепил пальцы на животе и уставился на Щупина долгим взглядом, размышляя над его словами.

— То есть ты сейчас на полном серьёзе рассказываешь

мне, — проговорил Абрамов, — что Мороз пять лет ждал, пока Ордынцев сбежит, чтобы снова оказаться в центре внимания?

— Не совсем ждал, — осторожно поправил Щупин. — Просто сейчас у него появилась возможность...

Генерал задумался, почесал подбородок.

— Да ну, бред... — пробормотал он. — Не, ну не может быть такого. Илюха не... Ну хотя...

Щупин стоял перед столом и ждал. Не шевелился. Только глаза блестели. Он уже сам поверил в свою версию и теперь ловил каждый вдох начальства, как охотничья собака запах крови.

— Ну он же Отмороженный, — выждав, снова подал голос следователь. — Вы сами говорили. Прозвище у него такое. Я же про него изучаю всё. В общем, Сергей Сергеевич... Я за ним наблюдаю, и у меня всё больше складывается впечатление, что я прав.

Абрамов помолчал ещё секунду, потом тяжело выдохнул и кивнул, будто сам себя на что-то уговорил.

— Ладно. Слушай задание, Щупин. Следи за Отмороженным. Всё фиксируй. Любые подозрительные моменты. И сразу мне докладывай. Напрямую.

Он поднял палец и качнул им в воздухе, как маятником.

— И чтобы ни одна живая душа об этом не знала. Ни одна. Ты понял? Только мы с тобой. Потому что, если это правда... — генерал сглотнул и поморщился. — Отмороженный

и Маэстро. Тыфу. Представляешь, что будет, если они заодно? Это лучше самим брать лопату, идти на кладбище и закапывать себя.

Щупин вытянулся в струнку.

— Я всё сделаю как надо. Как учили.

— Молодец, сынок. Я всегда в тебя верил, — одобрительно кивнул Абрамов. — А теперь иди. И держи ухо востро.

— Есть держать ухо востро.

Щупин чуть было не вскинул руку к козырьку фуражки, только фуражки на голове не было. Он неловко оборвал движение, развернулся, подщёлкнул, как умел, каблуками и вышел из кабинета.

На его лице сияла еле сдерживаемая торжествующая улыбка.

***

Кабинет мне всё-таки выделили отдельный. Ну, как кабинет... Когда-то это был красный уголок, потом там устроили временный полусекретный архив, куда спихивали бумажки и материалы, которые не стоило показывать проверяющим, а вместе с ними — старую мебель, мёртвые компьютеры и прочий хлам, что нельзя выбросить, потому что лень списать.

Окон в этой камерке не было, потому под кабинет её никто и не забирал. Абрамов сразу сказал: мол, сам понимаешь, либо тебя к кому-нибудь подсадим, потому что с площадями швах, либо будет тебе отдельный, свой, начальственный.

Ну, насчёт начальственного он, конечно, загнул, но, с другой стороны... были и плюсы. Кабинет в самом конце коридора, уединённый, в стороне от общей беготни. Ну, без окна, так и чёрт с ним.

Было время, я и в яме сидел. На Северном Кавказе несколько недель света белого не видел. В плену у тех, кого тогда звали «чехами». Пока не подвернулся случай, и я сбежал. Тогда же и убил своего первого человека. Перерезал часовому горло его же ножом. После такого тесная тёмная комнатуха без окна уже не кажется бедой. Наоборот, тишина, дверь, четыре стены, да ещё никто над душой не стоит — чем плохо.

Я прошёлся взглядом по этому складу забытых вещей, прикинул, что тут можно оставить, а что к хренам отволочь на выброс, и взялся за дело. Разгреб мебель, старые шкафы с перекошенными дверцами вытащил в коридор, следом выставил мёртвые системники, мониторы с пузатыми экранами и прочий компьютерный лом. Только успел перевести дух после очередной тяжелой тумбы, как подбежал завхоз, Анатолич, с глазами навypучку.

— Это же всё на учёте! — всплеснул он руками, глядя на свалку у стены так, будто я тут не хлам вынес, а знамя полка сжёг.

— Ничего не знаю, Анатолич, — сказал я. — Списывай как хочешь. Мне тут это хозяйство даром не нужно. С машиной я договорился, вывезут. Тебе же лучше, не возиться.

Он ещё что-то бубнил про акты, материальную ответственность, а я уже думал о другом. Зря я Щупина утром-то отшил в приёмной. Надо было его сюда припахать. А то он сегодня слишком красиво и чисто одет, аж глазам больно. Сейчас бы самое оно — потаскал бы этот мебельный музей, ему полезно.

Я глянул на свои джинсы. После такой уборки им самим требовалась машинка. Надо ехать переодеваться. Квартиру я ещё не снял и пока что ютился в пропыленной ведомственной МВДшной общаге — туда и отправлюсь.

Абрамов переговорил с местным МВД-шным генералом, и мне там выделили сносную комнатку — аж цельных двенадцать квадратов. Пружинная кровать, крашеный шкаф, вмурованный в стену со времен возведения здания, и тишина после заката, если соседи не бухают. Многие люди любят выпить. А менты — тоже люди.

Зато стол я в кабинете после такой зачистки откопал значительный. Настоящий, деревянный, а не из этой нынешней полировки, ламината и прессованных опилок. И самое главное — с зелёным сукном, как раньше у комиссаров и начальников старой школы были. Откуда он вообще там взялся, чёрт его знает. Наверное, ещё с советских времён дожил, достоял. С тех лет, когда весь этот нынешний Следственный комитет ещё звался прокуратурой, а мебель делали так, чтобы она пережила хозяина, государство и пару переворотов. И главное, встал в кабинет так, будто всегда тут и был.

Я установил на него служебный компьютер. Под канцелярию поставил гранёный стакан. Ручки и карандаши в нём смотрелись до того правильно, что я даже усмехнулся. Будто не кабинет важняка оборудую, а возвращаю на место кусок чего-то старого, потерянного и, как ни странно, живого. На старом матричном принтере распечатал табличку. Принтер скрипел, кряхтел, царапал бумагу, будто вот-вот сдохнет на середине листа. Но всё-таки выжил, допечатал, так что теперь на бумаге было крупно выведено: «Следователь по особо важным делам. Мороз И. Ф.»

Я вышел в коридор, прикрепил этот листок к двери кнопками, отошёл на пару шагов и с удовольствием осмотрел. Рядом на соседних кабинетах висели глянцевые золочёные таблички, будто вход в частную стоматологию, а не в следственный отдел. Ну и плевать. Главное, что теперь ко мне по ошибке никто не будет соваться. Не проходной двор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.